

Наталья Геллерт

Игорь Нидерер

Долг превыше всего

ИЗВЕСТНЫЕ НЕМЦЫ КАЗАХСТАНА

Игорь Нидерер

НАТАЛЬЯ ГЕЛЛЕРТ:
ДОЛГ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

ИЗВЕСТНЫЕ НЕМЦЫ КАЗАХСТАНА

АСТАНА 2025

УДК 821 (574)

ББК 84 (5 каз.-рус.)

Н 60

Н 60 Нидерер И. Н.

Нидерер, Игорь

Наталья Геллерт: Долг превыше всего – Костанай :
Костанайский дом печати, 2025. – 128 с. : ил.

Эта книга – рассказ о казахстанской героине труда, трактористке Наталье Владимировне Геллерт (р. 1953 г.), основанный на её воспоминаниях.

Н. В. Геллерт выросла в многодетной семье репрессированных немцев. В 16 лет она впервые села на трактор, посвятив труду механизатора в целинном совхозе имени Амангельды (пос. Оркендеу, Акмолинская обл.) большую часть своей жизни.

Она лауреат премии комсомола Казахстана, призёр международных соревнований пахарей, кавалер ордена Ленина и других наград СССР и Республики Казахстан. Избиралась депутатом районного и областного совета депутатов, депутатом Верховного Совета СССР X–XI созывов, членом ЦК КПСС, депутатом мажлиса Парламента Республики Казахстан IV созыва.

С 1994 по 2016 гг. занимала различные посты и должности в МИД РК, трудилась на дипломатическом поприще, представляла Казахстан за границей.

Некоторые факты и эпизоды биографии прославленной труженицы ранее не освещались и публикуются впервые. Издание адресовано широкому кругу читателей.

Автор книги – член союза журналистов Казахстана, отличник информационной работы РК, публицист, исследователь и популяризатор культуры этнических немцев, член Попечительского совета Казахстанского объединения немцев «Возрождение» (2021–2025), волонтер проектов фонда. Обозреватель еженедельника «Наша газета» (Костанай).

УДК 821 (574)

ББК 84 (5 каз.-рус.)

Н 60

ISBN 978-601-12-4004-8

© Игорь Нидерер, 2025

**© Общественный фонд «Казахстанское
объединение немцев «Возрождение», 2025**

ДЕПУТАТ ОТ СОХИ,
ДИПЛОМАТ ОТ БОГА

История сохранила бесчисленные рассказы о сильных людях. О людях, которые своими делами творили мифы о сверхчеловеческой мощи. О людях, преодолевших самые страшные невзгоды благодаря своей несгибаемой воле. Но сильнейший человек на земле – это тот, у кого есть крепкая духовная опора, вера в семью и святое чувство Родины.

И ещё: мечты не имеют ни возраста, ни национальности, ни пола. Их настоящий хозяин и распорядитель – тот, кто даёт им жизнь.

Истории часто зависят от того, кто их рассказывает.

Эта маленькая сага о Наталье Геллерт – не просто рассказ о смелой женщине, решившейся стать трактористкой. Это попытка написать о ней беспристрастно и честно, без идеологического фанфаронства – как без советского, так и без нынешнего. Без вымученных фраз о героизме. Без прописных истин о важности хлеба. Попросту, из первых уст её захватывающих рассказов, которые крупными мазками и составили удивительное полотно жизни.

Это история очень раннего взросления и осознания своего места в обществе. В советском обществе, которое, несмотря на свою суровость и скупость на похвалы, не только достойно оценило её труд, но и сделало её, дочь *каких-то* репрессированных немцев, одной из своих икон, когда наша супергероиня, советский Marvel, блистая почти гагаринской улыбкой – а ведь у неё и был свой целинный космос – не сходила с самых ярких обложек и самых высоких в стране трибун.

За двадцать один год работы в поле (1969–1990) Наталья Геллерт могла бы десять раз обернуться на тракторе вокруг экватора Земли или доехать до Луны.

О её успехах наперебой твердили центральные газеты, о ней или от её имени (как она сама призналась) издавали книги. Писали, что героиня труда, комбайнёр-тысячник, лауреат премии комсомола Казахстана и депутат Верховного Совета СССР, «живёт в гуще жгучих проблем времени» и «борется за торжество социальной справедливости». А знаете, ведь правду-то писали: даже когда Союз рухнул и поутихли салюты славословий, Наталья Геллерт продолжила служить своей стране и земле так, как умела: если не в поле за штурвалом комбайна или трактора, то на фронте – ну хорошо, на

рокаде – дипломатической работы, представляя нашу Республику за рубежом.

Наталья Владимировна Геллерт и сегодня остаётся символом уверенности в себе, настойчивости и стремления к победе над предрассудками и стереотипами. Она доказала, что каждая мечта может быть достигнута, если её носитель готов работать над собой ради цели. Она и стала одним из тех сильнейших людей, кто сумел отыскать крепкую духовную опору – депутатом от сохи, дипломатом от бога.

Р. S. Я хочу сказать искреннее спасибо всем, кто помог узнать больше ценных подробностей и добавить чудесных штрихов к биографии нашей героини, а заодно помочь погрузиться в «особые отделы и папки» истории, политики, агрономии и агротехники, филологии, краеведения и даже биологии: это Роза Саурамбаева, Арман Бекешев, Генрих Гроут, Жамал Тажикенова, Александр Гринец, Андрей Сысоев, Сайран Буканов, Андрей Андрющенко, Елена Пикельная, Акылбек Алибеков...

Все они знатоки и мастера, и более чем достойны того, чтобы я их упомянул.

Р. P. S. Иногда на страницах могут встретиться слова или небольшие вставки на казахском и немецком. Для казахстанских немцев это совсем не какая-то чуждая иноязычная речь, а потому они специально оставлены без перевода. Но даже если вы не знаете языка – всё будет понятно и так. На всякий случай кешіріңіз, Entschuldigung.

*Игорь Нидерер,
Костанай, 2025 год,
Солнцестояние*

ГОДИКИ И ГОДЫ

Ни один день не повторится.

На дворе светает. Ты распахиваешь окно настежь – а на крае неба уже розово-золотистое зарево, и ты выпускаешь внутрь хаты холодноватый ветерок с огромного, но давно знакомого поля. Он задорно кличет: проснись и приветствуй этот день, он похож на другие, но не придёт снова! В нём поселятся твои новые большие дела, новые люди, новые радости и даже чудеса – если ты ихпустишь...

И тут ты ловишь горчинку полыни и ковыля, тонкие нотки типчака, поцелуй клеверной полянки, ванильно-миндальную таволгу, хлебный дух пшеницы... Это запах счастья, свободы и буйства. Это знакомо с босоногих ещё лет, когда так легко бежалось по росистой траве, а любое касание земли исполняло силой и восторгом.

Это было с нами и останется с нами навсегда. Первые лучи рассвета – это не просто сияние свежести, это рождение мира заново. Шанс и желание успеть и обнять всё. Утро – лучший учитель. Оно напоминает, что всегда даётся новый старт.

А сейчас тебе уже хочется вылететь и нестись по полю, бежать за ветром, смеясь в полный голос и вдыхая каждый луч и каждый аромат, как будто это всё только для тебя, – и искать, и покорять, и жить!

И тебе шестнадцать...

В один из таких дней Наташа и решила навсегда связать свою жизнь с Полем. Но до этого должны были пройти сначала годики, а потом годы.

Зловещий Erlass

Исток семьи – родословная. У Натальи Владимировны Геллерт это прошлое, которое начинается где-то в Германии. Увы, документов об этом легендарном времени почти не осталось.

В «Манифесте о даруемых иностранным переселенцам привилегиях» от 22 июля 1763 г. читаем: «Поселившиеся в России иностранные во всё время пребывания своего ни в военную, ниже в гражданскую службу против воли их определены не будут» [1]. «Манифест этот, распространённый в Священной Римской Империи, произвёл ошеломляющее действие на местное население. Публицист Шлёцер назвал стремление в Россию истинным бегством – *das Laufen und Rennen nach Russland*» [2]. Колонии укреплялись, росли и богатели.

В России, которая на старте XX века поменяла строй на совет-

ский, а название – на СССР, одна из ветвей рода Геллертов обосновалась в Подмоскowie. Жили скромно, но дружно. Владимир Геллерт, отец Натали, родился в многодетной семье в 1926 году, жили они в деревне Дурово. Его отец Герман без вести пропал в 1933 году, а мать Эмилия (Бензе) была депортирована в Кызылординскую область Казахской ССР, где умерла от голода в 1944-м.

Кристиан Шильке, дед Марты, будущей матери Натали Геллерт, был колонистом, потомком переселенцев из Германии, призванных на просторы России Екатериной.

Его сын Людвиг, отец Марты, появился на свет в 1893 году в деревне Ново-Мильск Луцкого района Вольнской губернии.

Его жену (это бабушка по материнской линии Натали Геллерт) звали Фридерика-Альбертина Егоровна. В военные годы она оказалась в трудармии на Урале, а умерла в 1978 году в городе Коркино (Челябинская область).

Людвиг Шильке и Фридерика Альбертина, родители матери Натали Владимировны Геллерт

Свидетельство о смерти отца Марты Людвиговны, Людвиг Христианович Шильке арестовали в Подмоскowie в 1937-м

Сам же Людвиг пострадал в годы сталинского террора: известно, что перед арестом он работал в колхозе «Das neue Dorf» Высокинского района Московской области (ныне Жуковский район Калужской обл.). 25 сентября 1937 года его без суда расстреляли по ложному обвинению. Сама Марта родилась в 1924 году в селе Бахариёво того же района. Кстати, Дурово, где жил Владимир Геллерт, от Бахариёво недалеко, и подростки виделись.

Зловещий Указ («Erlass») 28 августа 1941 года многие немцы выучили потом наизусть и, удивляясь и негодуя меж собой, вполголоса повторяли: «Нет, вы слышали? – “По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населённых немцами Поволжья...” Это что, немцы в Поволжье сами себя взрывать собрались, что ли?»

Владимир Геллерт и Марта Шильке ещё толком не знали друг друга, но их уже объединил один общий выбор (хотя когда он один, никакой он не выбор) – вместе с другими немцами под конвоем «ястребков» в фуражках с малиновым околышем и синей тульей быть затолканными совсем не в купейные вагоны.

Средство транспортировки, которое появилось в Российской империи ещё в 1875 году, дожило до 1941-го почти без модификаций. Эти вагоны называли НТВ (нормальный товарный вагон) или, по-простому, «телячьи»: назначение универсальное. В случае чего в центральной части быстро ставили печку-буржуйку, а в каждой из половин устраивали нары для 20 человек, или стойла для 4 лошадей. То есть $4 \times 2 = 8$, $20 \times 2 = 40$.

«А было нас по сорок в тех будёновских вагонах, / Рассчитанных на восемь лошадей», – спел когда-то советский композитор и поэт-песенник Михаил Танич.

Каждому ссыльному тогда позволили взять не больше двадцати килограммов груза. Если что, это вес двух вёдер воды. И в это должно было втиснуться всё: еда на неопределённый срок, тёплая одежда, вся память о прежнем месте...

Владимиру было пятнадцать, Марте – семнадцать.

Мне, как журналисту и этнографу, довелось услышать десятки таких историй. Они очень схожи, поэтому приведу здесь всего три, чтобы можно было примерно представить, что испытали Владимир

и Марта. Вот, например, что рассказывал мне брат моего деда, Леопольд Нидерер. Его с родителями депортировали из Кизляра:

— Поезда шли один за другим, а когда останавливались, люди выходили и готовили пищу. Но дров не было – вместо них использовали заборы и ограды близлежащих строений. На каждой остановке народ бежал к ещё теплившимся очагам: успеешь занять место – будет тебе горячая еда, не успеешь – извиняй. Довезли до Сталинграда, не пустили через мост: пропускали только военную технику, а с воздуха уже бомбили фашисты. Это были тяжёлые бомбардировщики. Повсюду стоял гул. В Сарепте всех перегрузили на нефтеналивные баржи, человек по 3500 в каждую. Народ разместили на палубе. Пять дней тянули в Астрахань. Некуда было скрыться от дождя. Мой отец раздобыл где-то клеёнку, и она сохранила нам здоровье, если не жизнь. Под Астраханью до зимы всех разместили в солдатских землянках. Жили кто чем мог. Вырубали печи, пекли хлеб. У деревенских ещё была мука, а у городских – только сухари. Из 3500 депортируемых погибло примерно 500 человек. За месяц возле нашей стоянки выросло целое кладбище: старики, дети... Я видел старика со старухой: они сидели, обнявшись. К утру они, так же обнявшись, и замёрзли.

Вспоминает Екатерина Райдер. Она была родом из Ровенецкого района Ворошиловградской области, а село их тогда называлось Нойхоффнунг:

—Нас хотели сослать ещё в 41-м, да фронт близко подошёл, не успели. И вот 27 мая 42-го, как сейчас помню, ранним утром вышли мы на работу, а у ворот стоят часовые: убирайтесь, мол, отсюда и собирайте вещички. Погрузили нас в товарные вагоны, натолкали по сто человек и больше – как селёдки в бочке! Хозяйство и вещи, конечно же, пришлось бросить. Везли два месяца, а сколько людей поумирало... Нас у матери пятеро было, одна я осталась. Хоронили как придётся, иногда просто выбрасывали – и всё.

История трудармейки Анны Зауэр – ещё одно скорбное свидетельство не просто о потере стен и крыши над головой, но и ощущения связи с прошлым. Ощущение, что тебя вырвали из самой ткани мироздания и бросили в пустоту:

— Плакали, весь наш посёлок Норка плакал, – вспоминала Анна Гейнриховна, жестикулируя узловатыми сухими руками, – у нас была корова. В тех краях большие коровы, не то что тут. И вот она, недоенная, идёт и ревёт. Все коровы в посёлке ревут – а с ними и

мы... В поезд запускали – и всё, раз зашёл, то назад пути нет! А один замешкался – ему солдаты шашкой прямо в задницу... В трудармии, в нашем бараке человек на двести на трёхуровневых нарах располагались женщины-заключённые. Везде сновали вши и тараканы. Вечером после работы там стоял настоящий вой, потому что были и больные, были беременные. Все ревели, когда читали весточки из дома, если накануне прилетал самолёт с письмами. Как мы голодали, как вой волков слушали...

Представьте себе дерево, веками пускавшее корни. Его корни – это память, традиции, язык, связь с предками. Сталинская ссылка стала для советских немцев выдёргиванием этого дерева, бросанием его в чужую землю, где его листья вянут, а кора трескается от непривычного климата. Это не просто перемещение, это насильственное прерывание жизненного цикла, лишение фундамента.

Мир их праху и светлая память им, трудармейцам.

Владимир и Марта: общая судьба на новом месте

Таких ужасных подробностей о скитаниях своих родителей Наталья Владимировна никогда не слышала: те просто щадили детскую психику, веря, что эти лишения останутся в прошлом, а на новом месте жизнь начнётся почти что с чистого листа.

— Родители почти ничего не говорили, они не хотели, чтобы мы знали... Мама только рассказывала, как они голодали, – моя собеседница отводит взгляд, вздыхает и смотрит в пол. – Мама ещё вспоминала, как сначала, когда моего отца выгрузили из поезда, он помогал строить станцию Макат, что недалеко от бывшего Гурьева: колотили молотами камни на щебень. Изнуряющая работа, постоянный голод и антисанитария... И мой будущий папа заболел тифом, так что его, образно говоря, «выкинули за забор», чтобы других не заразил. Его еле выходили. Некому уже вспомнить подробности, не с кого спросить...

Территория, где жили ссыльные, была огорожена, а немцам не разрешалось общаться с местными. Из Маката Владимира Геллерта пересылают в село Бирлик Казалинского района Кызылординской области, где он и встретил знакомую детства, Марту Шильке.

Здесь 5 марта 1948 года они и поженились.

— Но в этом селе не было ни загса, ни даже сельского совета, и когда мы, их дети, рождались, нас возили регистрировать в комен-

датуру городка Казалинска, хотя на самом деле мы из села, – вспоминает Наталья Владимировна.

Село Бирлик, ныне единственный населённый пункт в Бирликском сельском округе – место и сейчас нелюдное, всего около семисот душ, – было почти таким же и в сороковые. За минусом, конечно, ещё и всех видов коммуникаций. Здесь 99,5% казахского населения. Зимой это суровые, неприветливые места, где постоянно воет смешанный с пылью ветер, который выдувает снег со всех открытых пространств и продувает, как кажется, всего тебя насквозь; лёта здесь знойные и изнуряющие, не для уважаемых курортников. Впрочем, на соседнем Арале была поистине королевская рыбалка, и запросто можно было подсмотреть, например, как четыре здоровых мужика тащат одного-единственного огромного сома. Да и нынче в тех краях в дни праздников хозяева угощают гостей отменным бешбармаком, где вместо мяса – тот же жирный сом, или сладковатый сазан, или плотный, но сочный лещ.

Вспоминает старшая сестра Натальи, Лидия Геллерт:

— Как первенец родителей, до сих пор помню, как в Бирлике папин младший брат дядя Адольф построил нам маленький домик. Он был печкой разделён на кухню и спальню. Матрасы были набиты соломой или пухом камыша, который каждую осень нужно было менять. В небольшом сарае перед домом стояла коза, её молоком мама пила нас перед сном. За домом была бахча, где росла тыква и большие сладкие дыни. Чем нас кормила мама? Вместо конфет жарила нам сахар. Жареное пшено толкла в ступе, получался «сок». Его всегда подавали к чаю. На зиму дыню сплетали косичками и сушили. В 1953 году родилась Наташа, а через два года Эдик. Помню, как мы все трое малышней однажды заболели коклюшем. Во время приступа кашля мы теряли сознание. Кто-то посоветовал маме вести нас гулять при восходе солнца и поить молоком белой верблюдицы. В нашем селе местные жители держали верблюдов. Мама так и сделала, благодаря чему мы все трое выжили» [3].

У Марты Людвиговны дети были совсем ещё малышами, и тем не менее, ей с мужем приходилось работать буквально с утра до ночи: они копали арьки для риса – регион и сейчас славится тем, что производит эту культуру, правда, совсем иными методами – потом они заливали всё поле, стоя по пояс в воде.

Наташа родилась 20 марта 1953 года. Ей было меньше года, когда мама начала брать её на работу, а чтобы та не уползла... выкапывала

в песке ямку, сажала туда дочку и закапывала по пояс, а сама шла работать.

Упомянем как занятный факт, что отец нашей героини, при рождении Владимир Германович, спонтанно изменил отчество: он просто потерял, «запахал» документы на каких-то полевых работах. Они выпали, а на поле – поди найди, где именно они валяются. Ему выдали дубликат, но почему-то – история умалчивает о деталях – решили в них назвать его «Ивановичем», ведь никаких электронных баз данных не было даже в мечтаниях фантастов. Эта нечаянная перемена казалась несущественной, потому что с выживанием ни-

1957 г., Казалинск. «Здесь папа с мамой, моя старшая сестра Лида, я и брат Эдик. Обратите внимание, что мы с сестрой в платьицах из одинакового материала. В то время ткани были очень дефицитными. Мама рассказывала, что сшила нам с сестрой платья из того, что удалось достать, как раз перед отъездом семьи на Целину в Акмолинскую область»

как связана не была. Ну подумаешь, Иванович так Иванович. Даже как-то лояльнее, потому что «больше по-русски». Ну а Марта так и осталась Мартой Людвиговной, правда, не Шильке, а уже теперь Геллерт.

Геллерты, как и все немцы, ежемесячно отмечались у военного коменданта и не могли отлучиться за трёхкилометровую черту от границы места «спецпоселения» под страхом каторги.

«Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой. Самовольная отлучка за пределы района расселения, обслуживаемого спецкомендатурой, рассматривается как побег и влечёт за собой ответственность в уголовном порядке», – гласил третий пункт «Постановления Совета народных комиссаров», подписанного заместителем его председателя Вячеславом Молотовым 8 января 1945 года [4].

А вся вина – ты немец.

Приказом МВД № 0601 от 12 декабря 1955 года специальный учёт отменялся, хотя возвращение в заветную землю отцов для всех вчерашних «диверсантов и шпионов», чьей единственной виной перед Родиной была графа «национальность» в паспорте, было заказано.

Қорғалжын – Өркендеу

Тем не менее, сосланные могли, скажем так, менять место жительства. Сначала, как рассказала Наталья Владимировна, в 1954-м «дали вольную» маме, папа перестал быть советским крепостным двумя годами позже.

И здесь у Геллертов произошло вот что. Дядя Эрих, родной брат отца Натальи, отбывал «спецпоселение» в Акмолинской области в селе Қорғалжын, от тогдашнего Акмолинска 160 км.

По-русски это название обычно звучит как Кургальджино, и район назывался – Кургальджинский. Глубокий смысл есть в старинном казахском слове қорғалжын, что примерно можно перевести как «охраняемое», «щит», «защита». На здешних озёрах Тенгиз и Шалкар останавливаются перелётные птицы, и среди них знаменитые розовые фламинго. Это самая северная летняя гнездовая колония розовых фламинго в мире и самая массовая популяция в нынешнем СНГ. У розовых птиц там проходит главнейшая часть жизни: они тиражируют свою генетическую программу в потомстве, то есть

реализуют высшую цель любого живого существа с точки зрения Природы. Такое редкое и важное место заслуживает всенародной охраны и присмотра, отсюда и название. Недалеко от села вьётся в медоносных красноталах и густых камышах речка Нура. Небольшая, летом в верховьях пересыхает, а зимой перемерзает, зато на островках можно вдосыть собирать грибы и ежевику...

— Так вот, однажды дядя Эрих написал нам: «Переезжайте ко мне, здесь целина, хоть с голоду не сдохнете». А нас уже тогда трое было у родителей в Кызылординском краю – моя старшая сестра Лида, я и братишка Эдик. И родители решились...

Здесь нужно сделать маленький шагок в сторону и рассказать историю дяди Эриха. Их было в семье шесть братьев и одна сестра. Так вышло, что Эриха в голодные тридцатые взяла на воспитание учитель по фамилии Глор. Они с супругой не нажили детей, и вот Глор однажды пришёл к Геллертам и предложил: «Отдайте мне мальчонку, он у нас не пропадёт. Я и вас не забуду, пособлю, чем могу. Но Эрих останется – наш».

Сегодня такая сделка вызовет по меньшей мере недоумение: как так – отдать ребёнка в обмен на какую-то помощь? Не можем мы понять той эпохи, что́ сказать, не можем и не уразумеем сейчас. А тогда речь шла о том, выживет слабенькое дитя, или нет.

Эрих выжил. Он рос в семье Глоров, поэтому и взял фамилию своих спасителей и, по сути, приёмных родителей. Тот учитель состарился и умер, а у Эриха на руках, уже в казахстанском Кургальдино, осталась старенькая мачеха.

Меж тем Геллерты с тремя чадами – Лидой, Наташей и Эдиком – совершают переезд в этот целинный посёлок. В Кургальдино глава семьи устраивается работать в колхоз (потом он стал совхозом) «Дружба» на МТМ, но вскоре его повышают до бригадира и переводят в соседнее село Оркендеу, где было колхозное отделение.

— У папы было всего лишь пять классов образования, – вспоминала Наталья Владимировна. – Я думаю, что у отца разве что диплома не было, а так он во всём разбирался не хуже иного дипломированного специалиста. Не существовало такой вещи или такого дела, к которым он бы не смог найти подход, с которыми не мог бы справиться, которые не мог бы починить или исправить. За это папу очень уважали и в районе, и в области. Но больше его ценили за честность, за трудолюбие, за правду. Он всегда говорил правду.

Позже в Оркендеу организуют свой совхоз и назовут его «имени

Амангельды»: в те годы имя казахского революционера Амангельды Иманова легко присваивалось чему угодно.

Дермень, кетмень и трое детей

Здесь Геллертам дали половину пустовавшего саманного дома с крытой талом крышей, поверх которой был настелен дёрн. Саман – специально поясну это ровесникам XXI века – это такая смесь глины (необожжённой, разумеется) и соломы, тал – тоже растительность, иначе кустарниковая ива, а дёрн – вообще густо проросшие в земле корни травы, нарезанные пластами. Понятно, что дёрн, тал и саман – стройматериалы совсем не герметичные и никак не водостойкие от слова «вообще», а использовались оттого лишь, что иных инженерных решений для строительства в этом краю не было. Да, тоже от слова «вообще».

— Спереди была комната, где печка стояла, и там зал такой, что ли. И всё. А перед ним ещё был хлев, как бы сарай. Кто держал коров, знает. Это всё под одной крышей.

Семья обитала в единственной комнате размером десять на шесть метров. Для троих детей и их родителей.

— И когда дождь у нас шёл, – вспоминает Наталья Владимировна, – мы прижимались к стенке, и всё дома было в воде, а мама потом вычерпывала это со, скажем так, пола. А пол был земляной, его и не было как такового, никакого покрытия не было – земля и всё. А после дождя – грязь прямо в центре жилища.

Впрочем, этот дождь не вредил почти никакому домашнему имуществу – просто потому, что его, этого имущества, и не было. Ну разве что импровизированный посудный шкаф, который Владимир умудрился смастерить из деревянной формы, в которой когда-то отливали саманные кирпичи. Геллерты спали на матрасах, набитых соломой.

— Мама приберегла ещё какие-то одеяла, чтобы хоть как-то укрыться. Это и всё, что у нас было из «обстановки». Ах, ну да – ещё дермень, кетмень и трое детей...

Дермень (по-казахски диірмен означает мельницу вообще), иначе жерновá – это прибор реально из неолита, новокаменного века: два одинаковых плоских круглых камня для перемалывания зерна, в верхний вставляется деревянная ручка, и камни вращаются вокруг общего стержня в центре. В старину этот нехитрый, но очень

важный механизм был в каждом сельском доме. Марта Людвиговна молола на этом дермене муку и пекла детям хлеб, а из прожаренного зерна делала талкан. В доме Геллертов неолит закончился в 60-х годах XX века.

Кетмень же – небольшая мотыга для всяких огородных работ, им ещё можно, например, рыть арыки. Тоже девайс с многотысячелетней историей. Арыков в Оркендеу не копали, а вот огород Марта Людвиговна завести пыталась:

— Огород был, и мама пробовала что-то сажать. Но, знаете, местное население, оно в то время не понимало, что такое «огород». И соседские дети вырывали или выкапывали всё, что она сажала – ну интересно же узнать, что там такое под землёй закопано. И мама плакала оттого, что никак не могла втолковать этим сорванцам не делать так: ну а что скажешь? И не жаловалась – просто поплачет и примет как реальность. Хотя сокрушаться было из-за чего: овощи на столе лишними не были бы, особенно для детей. Как-то преодолели мы это только после переезда в новый дом. Хотя о нём речь впереди...

Нежданно-негаданно Геллерты разжились целой коровой: директор колхоза распорядился выдать им скотину, потому что в хозяйстве как раз шёл откорм. Однажды к Геллертам подкатил на грузовике колхозный заготовитель. В кузове корову и стояли.

— Марта, – кричит водитель, – выбирай любую, какая понравится!

— Ой, а... можно вот эту, дойную?

— Да, конечно, бери. Председатель распорядился, моё дело довести!

Владимир Геллерт трудился добросовестно, так что семью ожидал ещё один сюрприз.

— А папа, поскольку был бригадиром, – вспоминает Наталья Владимировна, – организовал нам ещё и целый самосвал зерна. Машина приехала и вывалила пшеницу прямо перед домом на землю. Вот, совсем ничего же не было, и вдруг – корова и целая гора зерна! Счастье буквально привалило. Мама пребывала в шоке: после всех этих лишений и нищеты, после жизни впроголодь... Это была большая помощь нам, конечно. А папе ещё, как бригадиру, дали лошадь для объезда полей. Эта лошадь ночевала у нас теперь в хлеву вместе с кормилицей-коровой. И вот так мы жили, так мы начинали. Это был 1958 год.

Двумя годами позже им выделили уже личный домик из тех, что почему-то называли «финскими». Вероятно, жители страны Суоми немало бы изумились, узнай они, что в СССР домами с именем их страны называют всё те же постройки из самана. В них, правда, был явный прогресс и главный комфорт: относительно герметичная крыша, крытая шифером. Правда, плоская, но что вы хотели: чтобы ещё и чердак был?

Сохранилась байка: прибыли как-то в посёлок два бухгалтера из города по некоему делу, да и спрашивают у местных:

— А как людей найти? Где у вас тут жильё?

Им показывают:

— Ну вот же дома и стоят.

— Так это ж сарай одни, даже крыш нет, а нам надо увидеть, где люди живут, понимаете? Не скот, а люди.

В общем, долго ли, коротко ли, а стало Оркендеу откормсовхозом. А такому солидному месту и дома бы попримечнее, чтобы с сараями не путали. Вот и начали строить эти, прости господи, «финские» домики.

Здесь у семейства Геллертов уже был отдельный дом. Как заходишь – сначала кухня с печкой, а дальше комната для родителей и детская, каждая площадью примерно как та общая комната в прежнем доме, десять на шесть. И в доме был пол! Правда, и «жильцов» здорово прибавилось.

К тому же в 1964 г. к Геллертам переехала мачеха дяди Эриха. Произошло это так: между женой Эриха Альмой и его приёмной матерью, уже почтенных тогда лет, случилась какая-то ссора. Марта Людвиговна решает, что престарелому человеку нужен уход, покой и забота. Она садится на лошадь, скачет в Кургальджино и забирает её. Здесь «нашу бабушку», как называли её дети, определили в общий зал. А сколько народу в нём теперь теснилось – попытаемся подсчитать ниже. Но прежде ещё одна зарисовка.

Охота и работа

Природа в тех краях, как уже в двух словах упомянуто, щедрая и неповторимая. Это сейчас на каждом шагу ограничения, шлагбаумы, заповедники и резерваты, а тогда, да ещё в степи, у многих были охотничьи ружья. Пострелять гусей – так милое дело. И вот был такой случай.

— Когда случалось ненастье, у нас гуси низко летали. У нас очень

много было диких гусей, мы же рядом с Кургальджинским заповедником жили. И в такую погоду к нам часто приезжал Актан Тулебаевич Тулебаев, секретарь райкома партии. Важная персона. И главное, этот секретарь не приезжал «к кому-то». Он останавливался в нашем доме. А я же говорила, что в одной из двух наших комнат жили родители, а в другой мы все, одиннадцать детей. Мама очень волновалась в дни его приезда. Время такое было, что поесть у нас было не всегда. И мама всегда переживала, говорила отцу: «Чем я его кормить буду? И где он будет спать? У нас негде». А этот начальник понимал и успокаивал маму: «Марта, да ты не переживай. Всё, что вы будете кушать, то и я буду, я не привереда. А спать я вот здесь прилягу, на пол на кухне. Ничего страшного, я простой человек». А приходил он именно к нам из-за большого уважения к папе. Они вдвоём одевали дождевики, это такие брезентовые халаты с капюшонами, и в них ходили на охоту.

Отца Наталья уважали в селе все. Он долго (1966–1974) проработал главным инженером, когда совхоз стал из откормочного зерновым, а когда приехал дипломированный специалист, Владимира поставили заведующим машинно-тракторной мастерской (1974–1980).

— Да Иваныч наш может почти любую машину или трактор сам починить, — отзывались его коллеги.

Получить такой отзыв от тогдашних механиков было великой честью: во времена весьма скромной механизации на МТМ работали очень смекалистые люди. Кроме того, это были реальные буйволы, которые могли, например, запросто вручную соединить металлическим пальцем два трака гусеницы. С такими даже здороваться за руку было больно.

Из МТМ Владимир Иванович и ушёл на пенсию, хотя до сентября 1986 года ещё трудился механиком.

— И он даже замещал директора, потому что ему доверяли. Он, казалось, вообще отвечал в совхозе за всё, — вспомнила Наталья Владимировна.

Alle Jahr' ein Kind...

В доме Геллертов через год раздавался крик новорождённого. Что ни говори, а традиции крепкой немецкой семьи Владимир и Марта соблюдали даже несмотря на стеснённые условия, которые были реально на пороге выживания. Детей было много, поэтому проще перечислить их в таком списке:

1949 г. Первой на свет, ещё в Бирлике, появилась Лидия.

1951 г., Альберт (умер во младенчестве от менингита).

1953 г. За ним следовала наша героиня Наталья.

1955 г. Последним в Кызылординском краю родился Эдуард.

1958 г. Первыми в Оркендеу на свет появилась двойня – Роза и Роберт. Все последующие дети отсюда.

1959 г. Вторая двойня – Ольга и Анна.

1961 г., Артур.

1963 г., Елена.

1964 г., Владимир.

1966 г., Маргарита.

Одиннадцать выживших детей. Настоящий клан. Как говорят казахи, «Балалы үй – базар, баласыз үй – мазар».

10 июля 1965 года Марте Людвиговне Геллерт присвоили звание «Мать-героиня».

— У меня всегда была проблема перечислять родственников в анкетах, – шутит Наталья Владимировна.

Братья-сёстры росли, и с детского возраста были опорой и поддержкой родителям и друг другу. Сызмальства поняли, что не бывает работы «чистой» или «нечистой», стыдиться можно только лени и безделья. Они помогали по дому, обмазывали дом глиной, когда это требовалось, ходили на Нуру за водой с коромыслом: ох и спина уставала! Нашли саженцы и устроили, наконец, огород. А родителей, между прочим, было принято всегда называть на «Вы». Тыкать отцу и матери считалось неуважительным. Такие были правила!

Sprache, тіл и язык

Дома у Геллертов в дни праздников пели песни. Если запевала Марта Людвиговна, то это непременно было что-то немецкое – «Schön ist die Jugend» или «Stille Nacht», «O Tannenbaum», например, во время Рождества.

Под Рождество она обычно шла на речку Нуру и рубила какой-нибудь пышный куст. Дома его украшали – это и была ёлка. Рассчитывать на хвойные деревья нашим аульчанам никак не приходилось – их в округе не росло.

— А когда Пасха была, она всегда говорила детям: «Поставьте все шапки и украсьте их. Ночью придёт заяц и положит подарки». Мама всегда старалась привить нам что-то народное немецкое. Ещё она

молилась и соблюдала пост, лечила людей какими-то библейскими заговорами – у неё была старинная Библия в чёрном переплёте – и многие были ей благодарны.

Соседям, да и всем сельским жителям Геллерты сразу полюбились за открытость, за сердечность и трудолюбие. Все семьи, кроме двух, в Оркендеу были казахские. Конечно, дети Геллертов быстро сдружились с казахскими детьми, и язык как-то сам собой выучился. Во дворе с соседскими ребятами Толеуханом и Наймангазы играли в прятки, в догонялки, в скакалки, в классики...

— К нам присоединялись наши двоюродные братья Ульбрихты – Володя, Оля, Наташа. Хотя основным нашим времяпрепровождением были совсем не игры: мы, дети, должны были собирать кизяк, которым топили печку. От этого зависело то, сколько наши мамы успеют нам всего испечь. Это была наша детская работа, и вот мы уходили в поле и искали его. А если и насобирали уже, то следующая «миссия» была — полить огороды или деревья у клуба. Нам занятие всегда находилось!

В семье Геллертов говорили в разных случаях на трёх языках. Марта Людвиговна в основном общалась с детьми на немецком, и дети отвечали ей на этом языке. У неё в речи часто проскальзывали какие-то диалектные словечки – в основном для бытовых предметов – так что Наталья знала именно их эти народные названия. Её мама очень часто повторяла, например, такие поговорки и присказки:

«Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute»;
«Wer kann feiern, der kann auch zur Schule gehen»;
«Kleine Kinder – kleine Sorgen, große Kinder – große Sorgen»;
«Alles zu seiner Zeit»;
«Der Mensch denkt, Gott lenkt»;
«Wer zuletzt lacht, lacht am besten»;
«Kommt Zeit, kommt Rat»;
«Das Leben ist kein Zucker lecken»;
«Wer nicht kommt zur rechten Zeit, der muss nehmen, was übrig bleibt»;
«Was der Esel nicht kennt, das frisst er nicht»;
«Wie kann in der Welt Frieden sein, wenn die Geschwister werden sich schlagen?»;
«Wer keine Arbeit hat, der macht sie selbst»...

Такие вроде незамысловатые слова, а ко многим ситуациям в жизни применимы, всегда оказывались верными и к месту!

Владимир Иванович же старался больше употреблять русский.

— Ну а на работе он общался только на казахском, вообще казах там был, – шутит Наталья Владимировна. – В школе мы, дети, общались на русском, а чуть выйдем за ворота – на казахском... Некоторые спрашивают: а вас в аule обзывали фашистами? Традиционный же, хотя и невесёлый вопрос. Нет, потому что фашисты по определению не говорят по-казахски, а мы с казахами общались только так. И это не специально, всё само собой, на ходу получалось. А вот с братьями-сёстрами я говорила... на разном. В зависимости от окружения: когда надо сказать, чтобы другой не понял – тут немецкий был в самый раз...

И как тут не вспомнить мудрые слова казахского народа: «Ана сүті бой өседі, ана тілі ой өседі»? Здесь бы иной мог бы пафосно заметить, что Казахстан – вообще уникальная страна, у нас уникальная межнациональная среда, у нас вообще всё уникальное... Да нет же. Никакое не уникальное: так и должно быть в любой стране, в любом краю, где есть добрый мир и взаимопонимание. Где люди уважают культуру соседа, где царит гостеприимство, где все вместе собираются за общим столом. У Геллертов так и было.

За общим столом

Глава семьи Владимир Иванович работал и обеспечивал всех своих домашних, а Марта Людвиговна, когда позволяли обстоятельства, не чураясь бралась за любую работу.

— Мама работала везде, будь то уборщицей в школе, или уборщицей в клубе, или даже завскладом. Какая работа была, такую она и выполняла, а выбирать-то особо и не приходилось.

Она отлично вязала, наловчилась мастерить узорные занавески... из газет. Да такие, что соседки заглядывались. Делилась рецептами выпечки, засолки и вязания с местными хозяйками.

— Мама покупала три центнера капусты, потому что у нас основная еда была зимой – картошка, огурцы и капуста. Понятно, что наши родители не смогли бы одни управиться с такой массой – домашней механизации никакой не было. И вот в определённый день приходили помогать соседи – каждый со своим ножом, чашкой и досочкой. Их ставили на стол, все садились и резали помытые и очищенные кочаны, а кочерыжки в дело не шли. Мама заправляет солью и добавляет морковки... Бочки – такие большие, с толстыми стенками – потом стояли в прихожей. И мы всю зиму её ели, и всег-

да соседи могли прийти и попросить: «Марта, у тебя осталась капуста?» Похожим образом и огурцы солили, и тоже в бочках.

Марта Людвиговна постоянно стряпала пирожки, готовила и большие пироги, хлеб пекла, хворост – то есть немецкие кребли. Позже, когда Наталья будет уже работать в бригаде, одна полная чашка выпечки могла «уехать» на поле:

— Иногда, в основном во время уборки, мама привозила нам сама. И мы быстро-быстро садимся кругом, поели – и дальше работать.

Здесь же, в Оркендеу, 1 сентября 1960-го Наталья впервые переступила школьный порог...

Уроки школьного труда

Правда, в первом классе у Наташи Геллерт был всего один одноклассник – Толухан Муканов. Что ж поделать, это реальности аула. Восьмой класс вместе с нею окончит всего восемь учеников.

— У нас школа была одноэтажная и тоже без крыши. Имею в виду – только толью покрыли и гудроном залили, чтобы не протекала. В каждом классе была печка. И вот, я говорила, что мама бралась за любую работу. Так она рано вставала, чтобы эти печки затопить, и к приходу детей в классах было тепло. А в нашей школе было, наверное, десять-двенадцать комнат, и столько же печек! Как думаете, во сколько нужно встать, чтобы к девяти утра все они уже натопились?

Любимого учителя Натальи звали Антонина Степановна: она когда-то работала в райкоме комсомола, но потом познакомилась с директором совхоза, вышла за него замуж и стала преподавать в школе биологию и химию.

Все школьные задания Наташи, а потом и её младших братьев и сестёр проверяла мама, которая, кстати, сама когда-то окончила всего четыре класса. Но за проверку домашних работ она бралась серьёзно и тщательно. Тем более – заданий по немецкому.

Из всех предметов Наташа особо выделяла географию: просто нравилась, безо всякого анализа. Зато с историей были свои счёты – там ведь приходилось запоминать столько дат!

— Я не скажу, что я была отличницей. Нет, я троечницей была. Троек навалом было. Потому что домой придёшь, а здесь ждала одна сплошная работа, времени на учёбу не было. В итоге – средний аттестат. Но жизнь распоряжается по-своему...

На уроках труда дети пилили и кололи дрова, носили уголь. Класс же, который по каким-то причинам не смог обеспечить себя то-

пливом, просто не топили печку. Ещё дети мыли полы. К сожалению, считает Наталья Владимировна, сейчас такая практика сведлась на нет.

— Вы знаете, как выступают современные родители? Они жалуются: «Вы что моего ребёнка насильно заставляете работать?!» Кого мы такими методами вырастим из нынешних школьников? Скажу, как думаю: лентяев и дармоедов.

Наталья училась в шестом, когда выяснилось, что в школьном здании не хватает места, так что часть учеников перевели в другой дом с такими же печками. На счастье многодетной семьи Геллертов, вскоре в Оркендеу возвели новую школу, так что братишки и сестрёнки Натальи имели больше комфорта.

Конечно, до «комфортной школы» в современном казахстанском понимании тогда было очень далеко. Да и вообще, школьная система с её иерархией, поддержанием порядка и организацией учебного процесса — вещь, необходимая для развития полноценного члена общества, который впишется в него — она всегда дискомфортная, и это нормально. А вот уроки труда, считает наша героиня, нужно обязательно вернуть.

И именно школа в Оркендеу сформировала юную Наташу Геллерт такой, какой она потом шагала по жизни: шагала гордо, но не горделиво, иногда рискуя, но не рисково, уверенно, но не упёрто, властно, но не властолюбиво.

1967 г., совхоз «Амангельды». «Это весь наш седьмой класс Амангельдинской восьмилетки, средней школы в совхозе не было. Двое учителей — казахского языка и русского языка — сидят в первом ряду. А в углу снимка Антонина Степановна Трофимова, мой любимый педагог. Все, кроме меня, уже комсомольцы, им по 14, а мне ещё 13» (Наталья справа в верхнем ряду)

ВЫЕЗД В ЛЮДИ

Wo kannst du nur hin, meine Tochter?

Сельская восьмилетка позади.

Перед цветущей и полной сил 15-летней Наташей, которая в силу возраста позже всех её одноклассников рассталась с поднадоевшим пионерским галстуком (посмотрите на фото их класса), встаёт традиционный вопрос «обдумывающего житьё»: кем я буду?

А теперь представьте: девочка, родившаяся, прямыми словами, в неволе, первые годы жизни была советской крепостной. Позже, конечно, можно было «мир посмотреть», но был он, этот потенциальный ареал для вояжей её семьи, весьма ограничен: да, можно, к примеру, смотаться в соседний Каражар или, там, в Майшукыр, а то и аж в Спиридоновку. Только зачем: там что, коровы другие? Так себе туризм. Да и не было ни времени, ни смысла куда-то просто вот так сесть да покатить. Это мы сейчас можем сказать: «А не слетать ли в Эмираты? Пора, знаете ли, развяться». А тогда мир просто был устроен по-иному.

Думала-думала Наташа: наверное, стóит агрономом попробовать... Вернусь с дипломом – так на меня здесь совсем другими глазами будут смотреть! Однажды решила: пойду поделюсь с мамой – что скажет?

Марта Людвиговна вздохнула:

— Natascha, wo kannst du nur hin, meine Tochter? Du warst noch nie irgendwo, du weißt nichts... – её голос вдруг наполнился прерывистыми всхлипами, – Und dein Vater, ich und deine jüngeren Geschwister brauchen dringend deine Hilfe im Haushalt!

Она быстро вышла в другую комнату. Наташа поняла: она сейчас плачет.

Железный аргумент – и тоже слёзы в подушку... Ну да, как же дом без меня?

Надо было что-то и как-то зарабатывать. Мысли сидеть на шее у родителей, даже в её «почти-шестнадцать» у Наташи не возникало – совсем не то воспитание, не тот менталитет, как сказали бы иные. А особого выбора занятий в Оркендеу не было. Скажем точнее, работы как таковой почти не предоставляли – все места заняты, все при деле. К тому же, чтобы серьёзное, настоящее место получить – опыт нужен, диплом. И главное, возраст, конечно – не детские полтора десятка, как у нашей героини. Наташа тыкалась туда и сюда разнорабочей – всюду, где хоть что-то можно было урвать.

Ну хотя бы попробовать дайте!

Люди издревле спорят – кто управляет случайностями? Бог или вероятностная статистика? Сами люди или природные законы? Как бы то ни было, случай – часть нашей жизни. Иногда даже – приятная часть.

В общем, в декабре 1968 года местная Кургальджинская СПТУ-116 [5] открыла в Оркендеу годовичные курсы для механизаторов. Но случаем или шансом то явилось только для Наташи Геллерт, а с точки зрения организаторов само дело-то было очень даже нужным: ну вот трудятся они, эти работяги, трактористами или комбайнёрами по аулам, а проверит если кто – прав-то у них нет! Сами как-то выучились, да и работают. Нет, порядок заведён такой: если ты сел за руль – права положено иметь!

Конечно, в Кургальджино такие курсы были, но не ездить же туда из Оркендеу мужикам каждый день. Вот и прислали им преподавателя, минимально оборудовали для обучения один класс местной восьмилетки, и всё – процесс пошёл, как говорится.

Однажды вечером Наташа подсаживается к отцу за стол:

— Папа, знаете, тут из СПТУ Кургальджинского у нас курсы открыли. Механизаторов. Прямо в нашей школе.

— Да, говорили такое. Хорошее дело, хоть не будут мужики неучами. Технику – её по-настоящему нужно знать. Из книги! А то, я слышал, они цилиндр двигателя «горшком» называют, коробка передач у них «кирпич», а рычаг – вообще «таяк»!

— Да нет, я не про то. Пойти хочу. Учиться тоже.

Владимир Иванович резко перевёл взгляд на неё и молча смотрел секунд пять. Выдохнул:

— Нет. Не женская это работа, пойми. Очень тяжело, труд неладный даже для мужчины. Железо, запчасти – они ж неподъёмные.

— А я... разве не была на тяжёлой работе? Я смогу!

— Наташа, послушай. Я сам с пятнадцати лет работаю. Что-то соображаю в этом.

Наталья выскакивает к маме – та с чем-то возилась в сених:

— Мама, ну поговорите с отцом. Пожалуйста. Я учиться хочу. На механизатора. Я хотя бы на сами эти курсы пойду, а потом посмотрим, ладно? Там пятнадцать рублей обещают платить только за то, что учатся люди от СПТУ. Просто за саму учёбу каждый месяц по пятнадцать! Это ж лучше, чем я буду дома сидеть, ничего не делать, да? Хоть как-то семье помогу.

Марта Людвиговна оторвалась от работы, постояла, вытерла руки и вошла в комнату.

— Если такой поворот, то ладно, иди, — тихо сказал отец через час, — деньги-то, да, не лишние.

Пятнадцать советских рублей

15 рублей в 1968 году в СССР: давайте посмотрим, что это значило. Я сам, как продукт советской эпохи, сразу дам спойлер — сумма небольшая.

Вообще, дорогá ли была жизнь в то время? И — распространённый вопрос — когда было проще прожить на зарплату, в Советском Союзе или сейчас? Это сложно сопоставлять из-за разного качества, доступности, ассортимента продуктов питания и самой структуры потребления, но вот простейшие выкладки.

На обычную зарплату среднего инженера — это 120 рублей — можно было приобрести примерно 600 буханок белого хлеба (в Казахстане 600-граммовый «кирпич» высшего сорта стоил около 20 копеек, цена могла разниться от региона), а сейчас начинающий офисный работник с жалованием примерно в 170 тысяч тенге смог бы купить примерно 700 таких же. Сравним ещё: яйца — 120 и 80 десятков соответственно, масло — 32 и 42 кг... В среднем паритет. Пусть кто-то меня поправит. Я не настаиваю.

В общем, 15 советских рублей составили бы следующую «продуктовую корзинку»:

- 15 буханок чёрного хлеба (чёрный был по 16 коп. за буханку),
- 3 л молока (по 28-30 копеек за литр),
- 2 дес. яиц (около 90 копеек за десяток),
- 3 кг докторской колбасы (около 2 рублей за кг),
- 1 кг сливочного масла (около 2 рублей за кг),
- 2 кг сахара (около 90 копеек за кг).

Повторю, в регионах цены могли различаться, а некоторые продукты (например, колбаса) далеко не всегда находились в свободной продаже, тем более в ауле. Тем не менее, неплохие денежки. Короче говоря, получать новые знания Наталье разрешили.

Вместе с ней или позже на механизатора учились и её одноклассники Мария и Полина. Хотя некоторые из них практику и прошли, но отработали весну и всё бросили: не их тема, в общем, оказалась.

Никому не говори, иначе меня уволят!

На следующий день Наташа (с ней захотел пойти ещё один аульский парень) заходит в этот «филиал» СПТУ. Открывают дверь того самого учебного класса. Наташа держит в руках аккуратно сложенное заявление, которое она накануне старательно написала на тетрадном листе.

— Можно?

— Да, — отзывается мужчина средних лет, — кірініз! Екеуің не қаладыңдар?

— Мы бы хотели в группу записаться, на обучение. Какие документы нужны?

— О, дело правильное. Сами откуда? Из этого совхоза?

— Иә, біз осы ауылданбыз.

— Стойте, — он прищуривается, — а годочков-то по сколько вам? Шестнадцать есть? Принимаем тех, кому уже шестнадцать. Тебе есть? — оценивающе-насмешливо смотрит преподаватель на Наташу.

— Ещё нет, — протараторила она, будто извиняясь, — но скоро исполнится.

— Вот на следующий год и приходи.

— Возьмите. Пожалуйста. Я очень хочу, правда.

— Как тебя звать? Наташа? Наташа, ты понимаешь: нам не положено.

Наталья в сердцах разворачивается. Но нет, в этот раз она уже не побежала рыдать в подушку: так, всё спокойно. За свои права нужно бороться! Дойдя до автозаправки, она ловит первую же попутку до Кургальджино, предупреждает сопровождавших:

— Кто спросит — скажите: поехала в район. Потом всё объясню!

Райцентр. Дверь райкома комсомола — высокая, на тугой пружине. Влетела по ступенькам к секретарю. Короткое ожидание в приёмной...

Комсомольские лидеры района хорошо знали старших сестёр Геллерт, Лиду и Наташу: активистки, всегда в первых рядах и на первых ролях...

— Держи, — секретарь протягивает Наталье бумагу. — Вот тебе моя рекомендация. Читай: «Прошу в порядке исключения...» Только смотри, под мою ответственность. И под трактор там не попади!

...Тот самый преподаватель, которого, кстати, звали Серик, нехотя берёт листок, осматривает его со всех сторон, чуть ли не взвешивает в руках и тяжело вздыхает:

— Ясно с тобой всё. В общем, так, активистка ты наша. Никому не говори, что тебе нет шестнадцати, чтоб меня не уволили. Рекомендация твоя, конечно, это аргумент весомый. Но это как совет, что ли. А правά ты всё равно раньше шестнадцати не получишь, тут никакой комсомол не заступится. Учись пока.

Как не задавить дядю Васю

И вот вечерами в том классе на стену развешивали плакаты – схема двигателя, ходовых, гидравлики – в класс заходили пахнувшие солярой и махоркой мужики, а вместе с ними и Наташа с общей тетрадкой в руках. Ещё пришла Наталья подруга Тамара Акулич. Механиков тогда у трактористов не было, и все внутренности машины предстояло освоить и знать досконально: случись что – рассчитывайте только на себя.

Наташа и Тамара сидели за партией рядом с совсем уже матерыми работягами, которые потом легко проскочили годичный курс обучения за шесть месяцев, вдвое быстрее. Дело не в том, что они были такие прямо мозговитые: просто многие давно уже работали, и, таким образом, предмет обучения знали хоть и описательно, зато на практике. Пусть даже без прав на вождение.

Но что делать: не оставлять же в учениках Наташу с Тamarой. Тем более что первая своим возрастом могла «спалить контору» при ближайшей пристрастной проверке. Пришлось и Геллерт заканчивать эту школу по-взрослому, экстерном.

Ох и натерпелись девчата от этого «рабочего класса»! То клемму от аккумулятора отключат, а то просто:

— Красавицы, вы дверью не ошиблись? Курсы поваров вон там справа!

Кстати, поваром в совхозной бригаде Наташа пару месяцев уже поработала. Но для неё это было, как... Помните анекдот про дворника в аэропорту? Примерно то же самое. И вот наконец практика.

— Я не могу забыть момента, когда впервые села в кабину... Это был колёсный «Беларус», уже запомнила какой именно модификации. Помню это первое ощущение того, что сама управляю большой машиной – которая, как казалось, послушна, хотя и своенравна.

На улице курсанты сами поставили такой «трактородром» – узкие ворота из камней, в которые нужно было въехать виртуозно, ничего не задев. И если, не дай бог...

— Ты знаешь, что ты сейчас наделал? – кричал на кого-то настав-

ник, – ты же, считай, дядю Васю задавил!

Эта увлекательная практика продлилась... два дня.

Камшат Доненбаева

В истории советского сельского хозяйства есть немало примеров, когда женщины становились героинями там, где традиционно лавры и медали у представителей сильного пола. Достаточно вспомнить Прасковью Ангелину, Дарью Гармаш, Матрёну Фролову, Каролину Егель из Акмолинской области...

Слышали мы и про наивную веру «освобождённых» женщин первых советских лет, когда те полагали, что, овладевая «мужской» техникой, они пытаются убежать от домостроя, и про суровую нужду военного времени, когда подруги заменяли за трактором тех, кто ушёл на фронт... Но давайте начистоту: у профессий, связанных с работой на лобой крупной и тяжёлой технике, до сих пор укоренён «мужественный» имидж. Вот почему многие такие истории – это своего рода попытки поведать о диве дивном и редкости несусветной: «Смотрите, баба за трактором! А почему? Ой, да там наложилась куча факторов...»

Кажется очень правильным, что такой подход постепенно вытесняется из общественного дискурса. Я не симпатизант утопическому равноправию полов, но времена меняются... И не надо косою усмешки, ибо за ней чаще всего прячут либо невежество, либо ущербную мораль. А что до тогдашнего неприятия женщины на тракторе – жизнь была им густо пропитана.

Мне повезло лично знать Камшат Доненбаеву (1943–2017). Я впервые оказался у неё в гостях для съёмки какого-то репортажа в феврале 2004 года. Прославленная героиня социалистического труда, лауреат Государственной премии и дважды кавалер ордена Ленина, которая в целинные годы первой из казашек села за трактор, предстала приветливой обаятельной женщиной.

Камшат Байгазинова рассказала мне, как сначала она всего лишь носила мужу в поле обед – это была распространено – а потом и встала за сеялку [6]. Это было в 1961 году в совхозе «Харьковский» Кустанайской области.

— И тут у меня появилась мысль – а не сесть ли за трактор самой? Пропахала первую борозду, муж стал ругать – неправильно делаешь!

Каждый раз, когда я приходил к ней в гости, прославленная тракт-

тористка рассказывала очередную историю из тех, как ей «вставляли палки в колёса», как шушукались подруги да судачили окрестные апайки, когда она уже смело наматывала целинные километры, сидя в кабине...

— Она герой советского труда! — ответил на мой вопрос о бабушке игравший рядом внучок. Вряд ли он понимал значение слова «советский», но ответ прозвучал гордо.

Некоторые считали и до сих пор называют почин Камшат организованной пропагандой — мол, Казахстану нужен был этакий пламенный пример казашки на тракторе; вот и агрегат ей, дескать, всегда подыскивали лучший. Да и способна ли женщина сама, вопрошают такие, заменить колесо на К-700? Нет даже теоретически. Даже пустую крышку не подымет: та весит, поди, под три сотни кило, — так там ведь и мужчины техбригаду вызывают! Но разве это должно мешать женщинам чувствовать себя востребованными? Приносить пользу команде и хозяйству? Заниматься полюбившимся делом и зарабатывать?

Добавим, что 14 января 1969 года как будто по заказу вышло постановление Совета Министров СССР «О более широком привлечении женщин к участию в квалифицированном труде в сельском хозяйстве». Первый же пункт гласил: «Женщинам-механизаторам должны в первую очередь предоставляться сельскохозяйственные машины, имеющие наиболее совершенные сиденья, кабины, устройства для пуска, управления и обслуживания» [7]. Для трактористок предусмотрели дополнительный отпуск, надбавку к зарплате, пониженную норму выработки, даже снизили для таких пенсионный возраст с 55 до 50 лет!

Наталья Геллерт была уже без пяти минут трактористкой. Знала ли она о Камшат, повлиял ли на Наталью её почин сесть за трактор? Советская мифология утверждает — да. По словам Натальи Владимировны, вообще нет и нет. Впервые они встретятся лишь через несколько лет на соревнованиях по пахоте. А позже даже будут вместе позировать для фотографа в одном очень большом зале с красивыми люстрами — но это произойдёт совсем в другом месте...

Последнее искушение Натальи

Наталья Геллерт, как мы помним, пошла на курсы механизаторов без явного плана стать таковым — так, мечты, перспектива получения стипендии, желание и тяга приобретать знания. Плюс, конечно,

пример отца: он и в поле её брал, и обеды она ему носила... А сколько радости было в том, чтобы просто потрогать рычаги огромной машины! Да и брат Эдик здесь же отцу помогал во всём лет уже с десяти.

Но неужели – только поле? Неужели же только в трактор или комбайн вмещались все её планы на жизнь?

Давайте послушаем этот её рассказ.

— Вы знаете, у меня была сперва мечта быть швейей. Моя крёстная, тётя Таня, это мамина младшая сестра – она просто слыла народным талантом: нигде этому не училась, но шила отменно. Могла просто на вас посмотреть – и по фигуре что-то сшить! Как будто несколько модельеров с рулетками полдня замеряли. Жили они в Челябинске, мужа её звали дядя Володя Байер, он шахтёром работал. И вот они тем летом приехали в отпуск к нам. Погостить, значит, на целый месяц. Дядя Володя занимался хозяйством – помогал рубить дрова, уголь таскать (он же шахтёр, его работа!), а тётя Таня нас обшивала. И как мне это нравилось! Она мне даже привезла куклу, чтобы я на ней могла упражняться: сшить ей сапожки, например. И я, по правде, думала, что стану швейей. И вот уже даже Лида, старшая моя сестра, отучилась на швею в Чимкенте... В общем, вернёмся к механизаторским курсам. Учились мы по вечерам, а днём я ходила в Кургальджино за хлебом для всей семьи. Это была моя «миссия». У нас в Оркендеу хлеб купить было нельзя. А до райцентра напрямую где-то 8-9 километров. Рюкзак полный булок загрузу в магазине – и назад домой. От шести до десяти булок я тащила: семья-то большая. И на обратном пути я делала остановку в быткомбинате, где уже работала Лида: там стульчик мне дадут, я сижу, смотрю. И... и внезапно подумалось мне: а на черта мне это? Нет, я не буду швейей! Хотела и расхотела. Всё, стану механизатором, это дело решено!

Здесь я хочу буквально процитировать Наталью Владимировну. Эти слова очень важны, потому что, во-первых, дают ответ на один из основных вопросов её биографии – «Почему?», во-вторых – показывают нашу героиню очень по-человечески, а совсем не каким-то агитационным роботом с набором слоганов вместо души. И в-третьих, это правда.

Вот эти слова:

— Многие пишут, что я с пелёнок мечтала стать трактористом. Это далеко не так: сначала я пошла в профессию, потому что у меня не было выбора – или я иду в механизаторы, или я без работы. Но позже я уже решила это бесповоротно. А потом я полюбила это дело, которое стало главным в моей жизни.

«А ты не испугаешься?»

И вот однажды Наталье пришлось прямо и честно рассказать о своих планах сесть за трактор родителям: такой вот механизаторский coming out. Мама Марта Людвиговна первым делом спросила... о грозе:

— Наташа, ведь ты же боишься грозы. А если в поле тебя она застанет, что́ будешь делать: убежишь из трактора? Но его бросать нельзя, это серьёзная машина, да ещё и государственная!

Вопрос был задан не случайно. Дело в том, что, как уже писалось, грозы и низкие облака с дождём в Кургальджинских краях – нередкий летний гость.

— Насколько я помню себя, в 50-60-е годы обязательно через день или даже каждый день был дождь. Он пройдёт такой, что огромные лужи стоят. А потом снова ясное небо, – вспоминает Наталья Владимировна.

И вот однажды, а дело было, когда Геллерты только приехали в Оркендеу, в ауле случилась трагедия: молнией убило верхового. То есть ехал человек на лошади, попал под дождь и... Этот случай осел в детских воспоминаниях Наташи, превратившись в иррациональный страх. У него даже название есть – астрафобия, или ещё бронтофобия. Осталась ли эта боязнь у нашей героини, когда Наталья уже свободно управлялась со стальными машинами? Дожди-то в поле никто не отменял.

— Работе это не мешало, конечно, но боязнь оставалась, наверное, всегда. Хотя теперь больше по рациональным причинам. Уже когда я на тракторе работала, например, на обработке паров, нас останавливали, как только начинался дождь. Мы дальше не шли, потому что если осадки идут, сорняк не дохнет. Надо подождать, пока солнце выйдет, высушит – только тогда он и завянет. Ну а когда ты сам в поле, да ещё и встал внезапно, и ничего вокруг тебя – ни куста, ни дерева, ничего нет, и ты один возвышаешься над степью – естественно, молния будет в тебя «целиться». Или тебя ударит, или тебе повезет. Вот и всё, другого варианта нет.

Она была права. Недаром на деревенских сеновалах и везде, где есть возвышенности, ставят громоотводы, чтобы разряд с неба бил именно по ним, а не в стог сена, допустим. Опасность подтвердилась и тем, что годами позже, когда Наталья уже всю трудилась механизатором, при ней в грозу сгорела-таки одна машина: от удара

молнии загорелся луг, кто-то поехал на тракторе тушить, но застрял то ли в грязи, то ли в болотце. Пламя подобралось, да трактор-то и спалило – к счастью, механизатор остался жив.

Но в тот момент за общим семейным столом Наталья твёрдо ответила:

— Нет, мама. Не убегу.

В беседу вступил отец. Теперь он уже не сверлил тяжёлым взглядом, как было при первом разговоре о курсах механизаторов, а подглядывал с прищуром:

— Ну что ж, Наташа. Попробуй. Упорством ты вся в меня. Но помни, я и раньше говорил тебе – работа эта в самом деле тяжёлая.

Позже Наталья Владимировна признается:

— Наверное, отец был прав, когда повторял, что быть механизатором – нелёгкий труд. Он не страшал, наоборот, если бы он не предупреждал меня – вот тогда бы я могла и бросить, сбежать. А теперь... а теперь всё. Следовало идти до конца.

Планетарный механизм поворота

Ох уж эта «Дэтэшка», ДТ-75, трактор с более чем полувековым юбилеем! Гусеничный батыр полей, чаще рыжего или синего заводского колеров, растиражированный почти до трёх миллионов штук в десятке модификаций; техногенный красавец, чей силуэт известен любому советскому человеку по передовицам газет или самодельным деревенским памятникам на постаментах у конторы или на въезде в село. Да и сегодня дорожники, строители и мелиораторы ещё кое-где не торопятся списывать технику, которой нет износу.

В 1963 году на Волгоградском тракторном заводе выпустили машину 3-го тягового класса в 75 «лошадок» (отсюда и название!), которая пришла на смену ДТ-54, устаревшей предшественнице. ДТ-75 использовали для сельхозработ с навесным, полунавесным и прицепным оборудованием. Максимальная скорость «Семьдесятпятки» – чуть больше 10 км/ч вперёд и 4 км/ч назад, а производительность – почти на треть выше, нежели у прежней модели. Безотказный трудяга, «Калашников» в мире тракторов!

Я имел совсем небольшой опыт вождения этого простого и добротного Советского Технического Чуда, и сейчас как человек очень хорошо понимаю Наталью Владимировну...

Кабина с распашной дверью, салон – стимпанковский рай для

любителей чего-то подёргать и понажимать – но всё нужное и функциональное. На почётном месте два заменяющие руль рычага, каждый управляет движением своей гусеницы, и это называется очень футуристично – «планетарный механизм поворота».

В целом, если ты действительно с этой планеты и уже управляя каким-либо транспортным средством – то реально нет ничего сложного в том, чтобы теперь освоить и гусеничный агрегат.

— ДТ-75 у меня был первым трактором. Он мне очень нравился, очень. Такой рыжего цвета. Ну, я не знаю, я с ним срослась. Сначала кажется – сложный, а потом смотришь: какой он там сложный, когда ты всё знаешь? Плевать мне было на это, главное – вперёд! На первых порах я его «объезжала»: такое ощущение, что машина всё время пытается куда-то в сторону уйти, увильнуть. Нет, говорю я – или ты меня, или я тебя. И победа была за мной! Вы спрашиваете – что в этой работе может быть женского? Ничего в ней женского нет. Ну и что?

Солидол для смазки борон

Итак, подытожим. Конец зимы 1969-го. Что у Наташи есть: знания и жгучее желание работать. Чего нет: удостоверения механизатора. Потому что 16 лет ей исполнится только 20 марта.

Но работы на полях близ Оркендеу уже стартовали – пора проводить так называемое закрытие влаги. Это делается для того, чтобы создать нужные условия для сева: поля боронят, капилляры в почве разрушаются, и испарения гораздо меньше. А потом нужно провести ещё предпосевную культивацию, когда самый верхний слой почвы рыхлят, чтобы семя могло лучше укорениться.

Без удостоверения Наталья Геллерт могла начать только сменщицей. Но перед этим у неё и Тамары Акулич был такой «Курс молодого бойца», когда их обучали старшие трактористы. Тут тоже не обошлось без обычных для подобных случаев шуточек: ох, трудно найти такое поле деятельности, где новички не становились бы предметом для издевательств...

Однажды встали эти «наставники» вокруг сцепки и говорят:

— Девчата! А теперь давайте подготовим бороны. В общем, несите ведро солидола.

— Зачем оно?

— Ну говорят же – несите. Значит нужно.

Они принесли:

— И что с ним делать?

— Как что? Бороны смазать нужно, разве вас не учили там на курсах?

Девушки стоят и не знают, как быть: вроде такого из обучения никто не припоминает, но эти-то – на полном серьёзе. Тамара вообще тихо смотрит под ноги. Наталья говорит как бы ей, но так, чтобы все услышали:

— Томка. Я не знаю, чего они хотят, но бороны точно смазывать не нужно! Чего они ерундой занимаются?

Парни – хохотать:

— Это, ну, пошутили, ладно, что вы? Не смазываются бороны, конечно. Молодцы, что не поддались, а то бы анекдот на весь аул был!

«Я сделаю. Я должна!»

Начались первые трудовые смены на знаменитой «Дэтэшке». Первым её старшим трактористом был Григорий Иванович Воробей: он выходил на поле в ночную смену, а Наталье доставалась дневная: они и влагу задерживали, и пахали, и рыхлили. Сами же и делали сцепки, и нужные агрегаты цепляли тоже сами. Предупреждения Владимира Ивановича относительно «неженской работы» очень быстро начали сбываться.

Например, однажды Наталья работала с рыхлителем. Агрегат давал трёхметровый захват. Одна в поле, вокруг никого до самого горизонта. Всё шло чинно-мирно, и друг – лязг!

«Оборвалась лапа!» – поняла Наталья. Что делать? Сварочного аппарата с собой, понятное дело, нет. Он есть на МТМ, но дотуда ж надо добраться. Лапу следовало в одиночку загрузить на рыхлитель и привезти на сварку, а это такая чугунная «дура», ещё лемех. Груз приличный, примерно на полтораста кило. Что делать? Грузить, что: случайного прохожего и фразы «Молодой человек, а можно вас попросить...» тут не будет. Наташа напрягла все силы, сдвинула лапу и даже как-то подняла, затащила её на агрегат...

И тут как будто во всём мире погас свет.

«Что со мной?» Наталья поняла, что некоторое время пролежала без сознания, в отключке. Пришла в себя: «Так, всё на месте, всё целое, я сама, вроде, тоже. Крови нигде нет. Слава богу, теперь только бы довести...» Довезла.

И много раз ещё случится у Натальи так, что захочется махнуть рукой, всё бросить и сказать: «Мне достаточно. Всё, завтра не выйду!» Но каждое утро она вставала и задавалась одним и тем же вопросом: «Хорошо, брошу. А кто вместо меня пойдёт?»

— Во-первых, механизаторов не хватало, во-вторых – я же пообещала: отцу и семье, товарищам. Стране! И наверное, эта профессия меня ещё закалила. Ну представляете, если бы я хныкала, плакала – да, разве бы у меня что-то получилось? Конечно же, нет. Я шла напролом всё время: «Я это сделаю, и всё. Я должна!». И поэтому везде, где было трудно, посылали меня. *Das Leben ist kein Zucker lecken*, как всегда говорила мама.

С полным правом

Наконец Наталье Геллерт вручили удостоверение механизатора: теперь ты настоящая, теперь никаких поблажек! Посевная ли, уборка ли – работы не ждут. Один известный аграрий как-то заметил: это жениться можно дважды, а одну посевную два раза не начнёшь!

— Что такое труд механизатора? Он начинается в пять утра, и ты возвращаешься в полночь. Мы работали и днём, и ночью. Менялись, потому что тяжело постоянно ходить в ночные смены. Работали так: неделю механизатор выходит в день, следующую неделю – в ночь.

1969 г. Наташа положила руку на ходовой ремень привода коробки комбайна «СК-5». Впервые она сядет за руль зерноуборочной машины только в 1976-м

Чем трудна ночная смена? Ну, во-первых, ночь есть ночь. Видимость, ориентация в поле. Банально охота спать. Хотя...

— Мне, например, нравилось работать ночью. Об этом вообще и не расскажешь. Вот, например, ты в ночной смене, и где-то в четыре утра, когда солнышко только посылает первые лучики – заглушишь трактор, и такая тишина... Ничего в целом мире её не нарушает. Это потом светило уже выкатится, начинают по очереди петь трели жаворонки, потом примешиваются звуки других птиц, техники, людей, а именно в этот момент – благодать... Понимаете? А это надо всё прочувствовать. Прочувствовать эту живую природу...

А в начале каждой новой смены Наталья обязательно проверяла техсостояние трактора: ходовка, тормоза, уровень масла, освещение, сигнал; она осматривала двигатель и управлялась. Внимание требовала также трансмиссия и навесное оборудование, будь то плуг, культиватор, сеялка – исправны ли? Надёжно ли закреплены?

Понятно, что никто из трактористов не точил, допустим, зубья борон или не занимался сваркой сцепок – это всё делали в МТМ. Твоя работа в поле! Ну ещё агроном придёт и даст задание выставить определённую глубину и норму высева на сеялках.

Длина загонки была – два километра. Потом разворачиваешься, и назад вразвал или всвал, а ещё лучше – чередовать, чтобы избежать гребней и борозд: допустим, по нечётным загонам поле пашется всвал, а по чётным – вразвал. Просто, правда?

И вот уже в первый свой сезон механизатор Наталья Геллерт поочередно прошла всё, что делали её коллеги.

— Я не только в поле работала, я возила скот, возила стройматериалы, чистила дороги, потому что дорог у нас как таковых не было...

Полное расписание работ тракториста полеводческой бригады (бывают ещё кормозаготовительные) – список не такой уж длинный, повторяется неизменно из года в год:

- вспашка, глубокая обработка;
- закрытие влаги и прикатывание;
- промежуточная и предпосевная культивация;
- боронование;
- сев;
- работы по подготовке пара;
- вспашка зяби после уборки;
- опять боронование, обработка зяби;
- уборка снега в зимнее время.

— А ещё я ездила в райцентр, забирала почту, грузилась хлебом для соседей. Приезжала – все соседи меня окружали, и я хлеб им раздавала. Это чтобы помочь людям как-то. В то время даже доставить хлеб было трудностью.

В 1976 году наша героиня впервые сядет за штурвал комбайна, и к перечню профессиональных обязанностей добавится уборка. Но всё по порядку...

Соль земли и суть дела

В Коргалжынском районе Акмолинской области почвы по большей части каштанового типа, а чернозёмные – только в долине реки Нуры. Специалисты говорили мне, что есть в тех краях и сильные места, особенно возле заповедника. В остальном же много солонцов, нередко заболоченные участки. Балл бонитета (это, если упростить – показатель плодородия) почв Коргалжынского района в среднем 15-30, что значительно ниже среднеобластного показателя в 37-40. По свидетельству Н. В. Геллерт, «Мы работали на песчаных почвах, на маломощных. У нас же там озёра Тенгиз и Шолак, а между ними очень много солёных озёр. Поэтому у нас много было солонцов».

Наталия Владимировна рассказала, что в районе намолот до 15 ц/га был в начале семидесятых неслыханным везеньем. В обычные года с этих полей убирали 7-8 ц/га. Скажем прямо, это очень, до неприличия мало. Сегодня клетки (то есть поля), которые из года в год дают такую урожайность из-за самого качества почвы, часто выводят из оборота и передают под пастбища. Порог рентабельности производства здесь – около 7 ц/га по мягкой пшенице. Это означает, что при хотя бы семи центнерах с гектара можно покрыть затраты, без задержек выдать зарплату труженикам и худо-бедно решить проблему самых нужных запчастей. Не поймешь выгоду, а вернуть то, что вложил и остаться при своих без учёта амортизации техники. И это лишь притом, что держится пристойная цена на зерно. Но чтобы постоянно жить на 7-8 ц/га? Самоубийство.

Сейчас нам предстоит отметить кое-что принципиально важное для понимания всей описываемой истории: в советское время некоторые расчёты относительно местных почв просто не принимали во внимание. Никто не поддержал бы ни директора совхоза, ни даже учёного от агронауки, если бы тот предложил передать большую часть посевных земель района под выпас, под пастбищное скотоводство: его бы назвали мракобесом, человеком, который отстал от времени. Заявили бы, что он не поддерживает политику коммуни-

стической партии в части освоения целинных земель, что он против совершенствования семеноводства и развития агротехнологий. Просто назвали бы врагом. Рентабельность же, экономический расчёт – всё побоку. Главное – алга! А там разберёмся.

— Кто тогда спрашивал рентабельность? Вот тебе поле, вот ты шуруй и всё, – вспоминает Наталья Владимировна. – Понимаете? Это потом уже мы начали задумываться о целесообразности нашей работы в принципе. Лично у меня такие мысли появились, когда я стала учиться на агронома. И я даже спорила...

Было ли советское геройство постоянной «битвы за урожай» – к ней мы ещё вернёмся – бессмыслицей? Сейчас сложно судить. Скорее нет. Но плодом хозяйственной политики – точно было.

И в эту политику Наталья Геллерт, с её с детства вылепленной и выпестованной на немецкой закваске ответственностью, доскональностью, серьёзным отношением к делу – отлично вписывалась.

Звеньевая Наталья Геллерт

Именно поэтому на следующий год наша трактористка уже стала маленьким руководителем. Возглавить звено «Целинник» из двух девчат и восьмерых парней ей предложили на комсомольском собрании совхоза. Так ещё и доплачивали +10% к зарплате, хотя денежные вопросы стояли у молодой звеньевой совсем не на первом плане.

1976 г. «Это ребята из нашего звена «Целинник», мы стоим на нашем поле и собираемся на уборку. Слева от меня мой брат Артур»

В этом небольшом коллективе Геллерт сразу же установила «немецкий порядок» в лучшем смысле слова: технику держать в исправном состоянии, за свою работу отвечать по полной программе, на рабочем месте не пить.

— Ясно, что мужчины моего звена иногда втихаря поддавали, это же правда было. Но я держала их в тонусе, у меня была жёсткая дисциплина. Я всегда говорила: «За один прогул следует три дня бесплатной работы, имейте в виду!» Они знали об этом и старались не нарушать правил.

К роли контролёра всего и вся Наталья привыкла. Её авторитет был безукоризненным. Бывало и так, что ребят, которые ехали из города или в город подшофе, останавливали местные дорожные поли... простите, гаишники. Они могли сказать нашей звеньевой:

— Почему они у тебя пьяные едут? Мы у тебя права заберём!

— Почему у меня? Забирайте у них, они же выпили, а не я.

— Но старшая-то ты! Значит, с тебя и спрос.

И ещё одно правило установила Наталья: никакой самовольной охоты! А поползновения были...

Как найти общий язык с сайгаками. Логика птиц

Наталья целыми днями работала в чистом поле. Но, хоть и в чистом, а столкнуться с некоторыми его обитателями пришлось. И это были не грациозные розовые фламинго, которые, как упоминалось уже, встречаются на местных озёрах во множестве: поле их практически не интересует.

Поле интересует, например, диких гусей и сайгаков.

И казалось бы, мы существуем в разных, как его там... трофических уровнях, в разных нишах. В общем вроде бы не должны пересекаться – у каждого живого создания свои дела. Не совсем так.

— Что касается сайгаков – мы с ними... жили вместе. У нас же озёра, так они на водопой стадами шли и затаптывали обработанную землю. Они упёртые, с ними бестолку бороться. Пугать бесполезно, они всё равно возвращаются. На мотоциклах, что ли, их круглосуточно гонять? Я сперва не знала, что и делать...

И вот Наталья просит парня, который привозил трактористам обед и запчастей:

— Послушай, Канат, ты же мотаешься туда-сюда. Проследи за сайгаками – как они идут на водопой? Где именно их тропы?

Через некоторое время хлопец рассказал всё, что приметил.

Как руководитель звена, Наталья приняла решение: сохранить перед озёрами длинные полосы метров по сто шириной без вспашки именно на излюбленных парнокопытными тропах. Степные антилопы оставили механизаторов в покое, и больше не топтали посевы.

— Мы с ними стали жить дружно. А на каждый следующий год мы немного меняли расположение полос для водопоя, и получался вроде как пар прямо по системе академика Александра Ивановича Бараева [8].

Сама того не предполагая, Геллерт по наитию или какому-то природному чутью попала в точку. Эта антилопа может развивать до 100 км/ч в рывке на адреналине и комфортно сайгачить со скоростью 70 км/ч по относительно ровной поверхности. Но пашня не такова: вязнут копыта. Если им оставляют комфортный коридор, пусть и узкий, они обязательно пойдут по нему. Что животные и делали.

А однажды сайгаки сами пришли к Наталье. Это было в одну из её ночных смен.

— Я была совсем одна. Где-то вдалеке громыхала гроза, сверкали молнии, но до нас не добивало. Просто представьте картину. И я думаю: где-то в час ночи надо остановиться, масло проверить. Это обычная процедура – вдруг там что-то не так. А то ещё сожжёшь мотор, не дай бог. Я остановилась, выключила всё и сижу в тракторе. И вдруг думаю – что это за силуэты? Фары включила, а вокруг меня сайгаки! Навалом стадо целое. Тогда я первый раз услышала, как они по-бараньи блеют. Но что же они искали возле моего трактора, зачем пришли? Может, поблагодарить за тропы к водопою?

Второй загвоздкой были серые гуси. Они тоже поедали и вытаптывали посевы, особенно озимые, но были, в отличие от полорогих антилоп, ещё более внезапными и неуязвимыми. Прилетят такие, и ходят важные, как начальство, а чуть что – фьюить, и нет их.

Иногда механизаторы тайно брали с собой в кабину охотничьи ружья. Тайно – потому что, как уже сказано, звеньевая Геллерт запрещала браконьерствовать:

— Я говорю: при мне чтоб никого не стреляли здесь!

Но вот же что: серые оторвишники не подлетали близко к тому трактору, в кабине которого было спрятано ружьё. Везде тусовались, всем досаждали, а над тем, кто сегодня секретный охотник – чистое небо!

— Если ружья нет в кабине, они не взлетают – просто посмотрят

на тебя как на придурка и тут же дальше нагло пасутся. Но если только в какой-то кабине ружьё, гусь рядом не сядет. И ведь ружьё же не торчит, оно спрятано. Вот однажды, помню, смотрю: гусей нет. Я говорю ребятам: «Признавайтесь, у кого ружьё?» Все молчат. «Я говорю, признайтесь! Гусь на поле не сел!» Один говорит: «Ну вот, у моих там...» Я не понимаю: как они видели? Откуда знали?

Разгадка, говорят зоологи, всё же есть: нечеловечески точное зрение этих пернатых, хорошее обоняние и мозг на уровне врановых: анализ поведения *homo sapiens* плюс память. Некоторые мои знакомые даже предупреждали: будешь усиленно изучать гусиный интеллект – откажешься от традиционного блюда на Рождество!

— Они тоже живые, они тоже думают. Понимаете, насколько мы связаны? И вот так мы очень ладили с природой. И если мы, люди, будем жить дружно хотя бы друг с другом, то у нас всё получится, – подытожила Наталья Владимировна этот свой рассказ, – хотя с гусями общего языка мы так тогда и не нашли...

«По широкому пройдуся полю»

Представьте, что вам почти целый день предстоит сидеть в кабине, слушая гул двигателя, и монотонно раскачиваться в такт движению. Этот ритм, который мал-мал укачивает, обязательно вызовет дрему. А сон-часа для тракториста не предусмотрено.

— Ничего, песни пели, себя развлекали, а что делать, чтобы не унесло в сон? Работать-то надо...

Конечно, замкнутые в своих кабинках механизаторы не могли петь сообща и представляли, как бы сказать, сообщество вокалистов-одинок.

— Вот я еду одна и пою себе. И многие, насколько я знаю, так же делали. Вот вы, когда совсем один работаете, ничего не поёте?

Хит-парад трактористов начала 1970-х (в изложении Натальи Владимировны) мог выглядеть примерно следующим списком:

«За того парня» («По широкому пройдуся полю...»), «Песенка шофёра», «Армандастар», «Молодой агроном», «Эх, дороги», «Жез киик», «Арыс жағасында», «Степь да степь кругом»...

— Сейчас они уже несовременные, сейчас их вроде и не поют, – как бы извиняясь, пояснила Наталья Владимировна. – Но это было то, что тогда народ пел. И даже вот эту, «Степь да степь кругом» – она хоть и печальная, минорная, но нас ведь окружали степи!

Сначала Наталья Геллерт стеснялась петь по-казахски. Более того – общаться на казахском с механизаторами, хотя язык отлично знала с детства. Всё понимала, но отвечала по-русски.

Один раз шёл в совхозе какой-то праздник. Все, и трактористы тоже, сидели за общим столом. Один из бригадиров, Женис Шайырманов, возьми да и скажи:

— Наталья! Неге қазақша сөйлемейсің?

— Да не знаю... Может, я с ошибками буду говорить, неудобно будет, будут смеяться.

— Никто смеяться не будет! Қазақша сөйле! – прямо приказал он.

С тех пор Наташа Геллерт действительно перестала стесняться, да и ошибок не допускала, потому что практика, как известно – лучший учитель. И путь к совершенству.

— Немцы в казахских аулах все почти знали казахский язык, редко кто не знал. Это русские могли не знать, но не немцы. А где чисто немецкие сёла были – казахи на немецком говорили. Да так чисто, что даже я так не могу!

1974 г., конец апреля, Целиноград. Здание радио и телевидения Целинограда, в студии чёрно-белая студийная камера и «журавль» - два фоновых микрофона на подвесе. Делегаты XVII съезда ВАКСМ уже после самого съезда. «Нас собрали, и мы отвечали на вопросы. В центре в сером костюме первый секретарь обкома комсомола Куаныш Махмутович Алпысбеков»

ДЕПУТАТ ОТ ТРАКТОРИСТОВ

«Работаешь? Делай это хорошо!»

— Знаете, – сказала однажды Наталья Владимировна, – я не умею рисовать. Но если бы я была художницей, я бы, наверное, нарисовала целую галерею картин с нашими полями и степями. На моих полотнах были бы и весенние раздолья с тюльпанами, и заросли шиповника в лесочках, и озёра, и тяжёлая хлебная нива перед уборкой. Я нарисовала бы первое предрассветное зарево на горизонте, сбитые стада сайги, которые несутся к только им ведомой цели... А потом я нарисовала бы и то, как страдает наша земля, когда не получает должного ухода от тех, кто призван за ней смотреть. Заросшие бурьяном поля. Почву без обработки, которая покрылась потрепавшейся коркой. Да, чтобы на это смотрели и говорили: неужели кто-то может довести землю-кормилицу до бесплодного состояния? Знаете, о чём много позже меня спрашивали иностранцы? «Как вы умудряетесь жить так бедно на такой хорошей земле?» Именно так и ставили вопрос. К сожалению, я не умею рисовать... Но я могла бы описать словами, как важно подходить к земле с любовью и с умом. Если ты к ней относишься нормально, то она и урожай даёт, а если наплеватьски – то и получаешь то же самое. Я не случайно завела этот разговор...

— Работая в совхозе, – продолжает Наталья Владимировна, – я сидела на маломощных землях. Но я изо всех сил стремилась брать урожайность, равняясь на те хозяйства, где высокий балл бонитета. Я могу ответственно сказать: я старалась соблюдать технологии, проводить все агромероприятия правильно, вовремя и тщательно. Потому что я относилась к земле с уважением. Потому что мы старались. Признаюсь также и в том, что быть образцовыми получалось не всегда. У меня были стычки с начальством, потому что им всем надо первее отрапортовать, быстрее доложить, красивенько показать... Обработав землю поверхностно, чтобы потом так же поверхностно и отчитаться.

Как на бегах – кто быстрее, тот и молодец, тому и премия. Или как в недоброй школьной забаве: «Кто последний – тот параша!»

Наталья Геллерт понимала, что, показушник страшнее вора. С воров всё понятно: украл он, допустим, два аккумулятора – значит, два трактора не выйдут в поле, и бригадир примет решение, исходя из реальной расстановки сил. А если сказали, что они есть, а их нет? Если сказали, что поля обработали по технологии, а их, по сути, просто процарапали – на какой урожай рассчитывать? Стараясь

приукрасить данные, мы не просто извращаем сам принцип объективной статистики и подменяем настоящее владение ситуацией поводом для очередной похвалы. Мы ещё и запускаем необратимый процесс разрушения, погружаясь из реальности в мир приторных отчётов. «Вот если бы это стало очевидным нашему начальству», – думала она тогда.

Был однажды в их совхозе такой случай. Наталье Геллерт передали одно поле, на котором толком ничего не росло: его запустили, если так прямо сказать, истощили. И вот, значит, подсунули передовице и активистке: она ж человек неравнодушный, что-нибудь придумает. А сама клетка больше 400 га!

– Ну я так постояла, посмотрела и думаю: чёрт подери, здесь же действительно ничего не растёт. Царапали-царапали его... А надо теперь сантиметров на тридцать заглубиться, хороший пласт снять. КПП-2-150 [9] в самый раз. Правда, у него захват всего три метра, но зато это дело будет!

Сказано – сделано. Трактор идёт тяжело, но дело того сто́ит. Вдоль дороги пыль: прикатил начальник. Стоит такой, в пиджаке и в фуражке, как они тогда любили носить для важности:

– Что делаешь?

– Пашу я.

– А почему с этим агрегатом? Три метра захвата всего? И сколько ты будешь его так ворочать?

– Мне кажется, что именно КПП-2-150 тут больше всего подходит: издевались же над почвой, честное слово!

– Давай перецепляй на КПШ-9 [10]. Быстрее пойдёт.

– Ладно.

Вдоль дороги опять поднялась пыль: начальник умчался. Наталья посмотрела ему вслед, подождала... и продолжила своё дело. За ней следом на двух тракторах двигались девушки-практикантки из СПТУ-116.

Никто не думал, что он решит приехать второй раз и проверить...

– И что мы тут делаем?

– Пашу.

– А почему орудие не перецепила?

– Потому что я считаю, что здесь именно с этим агрегатом надо работать.

– Да ты что, не поняла, что я тебе сказал?! – закричал начальник.

– Я тоже кое-что сказала, – невозмутимо отвечает она.

«Мне показалось, что он сейчас съездит по морде», – подумалось

Наталье. Практикантки останавливаются, обе прячутся за трактор и выглядывают: ой, что сейчас будет! Настала полная тишина, и вдруг кто-то из тех девчат кашлянул. Бастык резко перевёл взгляд в их сторону:

— Тьфу ты!

Развернулся, зашагал по пахоте к машине – и опять пыль столбом. Всё. «Мы победили!» – подумала Наталья. Не тут-то было.

Следом за ним нарисовался бригадир Тлектес Дошаев:

— Мне сказали тебя соляркой не заправлять, пока орудие не перецепишь.

Что же делать?

— Послушай, Дошаев, – обращается к нему Наталья, – *ты же* бригадир здесь?

— Ну я.

— Вот и молодец. Ты Кунаева знаешь?

— Что за вопросы? Кто ж первого секретаря ЦК компартии Казахстана не знает? Ты б ещё про Бреж... Ладно, куда клонишь?

— А ты знаешь, что осенью Динмухамед Ахмедович обязательно именно мимо этого поля проезжает?

— Слышал, есть такие сведения.

— Ну вот. Осенью Кунаев приедет, посмотрит и спросит: «Кто здесь бригадир? Здесь ни черта не растёт. Что за бригадир тут?» Твою фамилию назовут ему. И как тебе будет?

— Знаешь, как бы... а я чё? Если так, что как-то...

— ...! Заправь меня соляркой! До утра я закончу эту клетку. Сколько можно доказывать, что я спасти это поле хочу?! Чтобы оно, наконец, начало хотя бы центнеров семь давать, а не лежало тут бельмом на глазу у всех! А вам всем всё равно, да?

Он задумался и почесал затылок.

— Ладно. Но утром перецепи.

— Да чётр с вами, утром перецеплю.

А кончилась эта история, как в сказке: наступила осень, и та клетка действительно смотрелась любо-дорого. И на самом деле однажды мимо неё проезжал Динмухамед Кунаев. И вот он затормозил, вышел и заметил сопровождавшим:

— Хм. Каждый раз, когда еду, стараюсь здесь не останавливаться, потому что не могу смотреть на это поле без слёз. А сейчас... Ну вы меня удивили. Кто бригадир здесь? Дошаев? Молодец парень, передайте ему. Заглубили, смотрю, при пахоте-то. Правильно, вот так и надо было!

С тех пор та клетка перестала считаться проблемной. А наступила зима – там ещё и провели образцовое снегозадержание. Напитали поле. А кто руководил работами?

— У меня девиз такой: если работаешь – делай это хорошо, – завершила этот рассказ Наталья Владимировна.

Поле ответственности

У природы нет любимчиков. У неё есть те, кто считается с её законами и те, кто их игнорирует. К первым она благосклонна, ко вторым – беспощадна, вот и вся философия. Основа же урожайности – выверенная система земледелия. Это аксиома агротехнологии.

Само по себе полеводство – такая среда, где финальный успех, то есть хороший урожай, зависит от множества небольших факторов, от корректности исполнения и своевременности сразу нескольких агромероприятий и операций. Руководитель тракторно-полеводческого звена Геллерт к тому моменту не имела агрономического образования, но эти истины понимала очень хорошо.

Но именно для повышения своей компетенции в 1972 году она без отрыва от работы поступила на заочное отделение совхоза-техникума. Раз в год зимой обязательно выезжала на сорокадневные сессии в село Косшы. Обучение продлилось пять лет. Часто читала и конспектировала по ночам – а когда ещё?

Она знала, что требования к сельхозработнику серьёзнее, чем, скажем, даже к работнику оборонной промышленности: если заводской брак можно быстро заметить и тут же исправить, переделать, то на поле ошибка этого года, во-первых, проявит себя не сразу, а во-вторых, исправится в лучшем случае только в следующем сезоне. А фатальные ошибки – те вообще будут преследовать тебя годами.

— Мы старались выдерживать принципы и технологию Бараева, то есть выстроенную комплексную систему земледелия со всеми её парами, севооборотами, графиком обработок, сортообновлением и сортосменой. Но не всем это нравилось, как ни парадоксально: я уже говорила, что некоторым функционерам от сельхозотрасли хотелось, чтобы «всё чёрное» было: быстрее вспахал широкими орудиями – и дело с концом. У кого-то нервов не хватало досконально придерживаться агронауки.

Имела ли Наталья реальный авторитет? Сайран Балкенович Буканов, ныне аграрий с пятидесятилетним опытом и Герой Труда Казахстана, в то время работал в совхозах «Аксуатский» и «Харьков-

ский» Кустанайской области. Он считает, что даже при командной системе голос передовика, героя и лидера часто мог быть услышан.

— Я сам был сначала главным агрономом, а позже и молодым директором, то есть как раз «начальством». Наталью Геллерт я знал через нашу Камшат Доненбаеву. Они ведь неоднократно встречались на съездах, и Камшат Байгазиновна часто о ней рассказывала. Я сам видел Геллерт всего раз, но мне достаточно было, глядя на неё, понять – это одна из лучших советских трактористок: выдержанная, волосы собраны назад, уверенный взгляд, как у Терешковой. Наталья показывала такую же выработку, как наша Доненбаева. Знаю, что она принципиальная была. Я уверен на сто процентов, что к ней прислушивались, что она имела вес и веское слово – как и наша Камшат.

— Могу сказать, что после того, как меня назначили звеньевой, я со своей точностью, которая, вероятно, казалась некоторым придирчивостью, перестала кое-кому нравиться, – продолжает Наталья Геллерт. – Скажу больше – я стала неудобной. Я сражалась со всеми, кто допускал нарушения технологии. Я доказывала, что это *так*, а не иначе. Если ты неправильно обрабатываешь – вот ты получаешь то, что получаешь!

Всем известно, что ещё в 1963 году СССР столкнулся с резким снижением урожая зерновых. Из-за засухи, а особенно ошибок в сельскохозяйственной политике, общий вал оказался почти на 30 % меньше ожидаемого. Казахстан при плане больше 15 млн тонн собрал около 6,5 млн. По всем прикидкам этого зерна не хватало до урожая 1964 года, даже если вскрыть стратегический резерв. Власти вынуждены были искать хлеб за границей. Канада стала одним из основных поставщиков пшеницы для СССР наряду с США. Сделки продолжались несколько лет и даже оказали значительное влияние на мировой рынок зерна. Но ведь в Канаде почти такой же климат, практически те же почвы... Есть и отличия, но общего-то больше.

— У нас была авральная система, – считает Наталья Владимировна. – В этом и главное. Вот, например, становилось известно, что начальство едет на такие-то клетки. Значит, их надо быстрее распахать. И забирали у других звеньев технику, перекидывали туда, чтобы, значит, угодить. А я свою брать не разрешала – нет, мои не поедут показуху там делать! И вот по всему этому бардаку я сейчас не говорю за страну – мне надо было навести порядок прежде всего у себя. Я судила только по своим полям: я отвечаю вот за это и за это. Я некоторым «проверяльщикам» постоянно твердила: не вмешивай-

тес. Вы мне платите как звеньевому, вот и не вмешивайтесь, я за всё отвечу при уборке. У каждого из нас должна быть разграничена зона ответственности.

Наталья Геллерт, только заступив на должность звеньевой, сразу же решила системно бороться с пьянством. Что скрывать – явление было повсеместным, мужики попивали.

— Но у моих была дисциплина. Они меня боялись как огня. Сейчас мы иногда встречаемся же, они уже старики, я говорю: слушайте, я, наверное, вообще была жёсткая? Нет, говорят, нормально.

В посевную и уборку деньги на руки механизаторам не выдавали: вдруг начнут квасить? А на счету каждый день и каждый тракторист. Давали только талоны на питание. «Разговенье» полагалось лишь после завершения посевной или уборки. Обычно к Геллерт прибывала на грузовике ГАЗ-53 полевая обслуга, снабженцы:

— Наталья Владимировна, ребята полностью закончат такого-то числа.

— Хорошо, вот вам деньги на сабантуй, распишитесь в ведомости.

— Что берём? Как обычно?

— Да, возьмите всего необходимого, и главное – чтобы бешбармак большой могли приготовить. Ну и выпить, чего уж там... Заслужили.

Сабантуй – учитывались все последствия – устраивали в поле и только для своей бригады. Наталья Владимировна лично отключала все аккумуляторы, чтобы ночью никто не поехал за продолжением банкета, или, например, купаться на речку. Сторожила их всю ночь. Утром она чуть ли не насильно отправляла всех строем в баню – один вагончик в бригаде служил баней – взбодриться и отсыпаться по домам. Праздник кончился. Ребята загодя знали весь этот сценарий, а потому всё проходило без эксцессов. И без последствий.

В политической обойме

Медаль «За трудовую доблесть» Наталья Геллерт получила 8 апреля 1971 года, в свои восемнадцать. Она миллион раз отвечала на дознание вопросы, мол, каково это – носить весомую награду в таком юном возрасте, да за что именно дали, да что вы чувствовали... Хотя в 2025-м она подтвердит, что эта награда до сих пор является самой дорогой.

— Вы знаете, я никогда не ставила себе цели куда-то или к чему-то продвинуться: вот я буду ударно трудиться, а в конце пути висит и блестит она, заветная медалька. У меня этого не было. У меня была

работа, и все цели сводились к одному: сделать её как положено. По-нимаете? – Наталья Владимировна смотрит на меня в упор, будто очень хочет увидеть одобрения в моих глазах. – А делать карьеру – это не моя забота была.

Начало пути, который изменит её судьбу, выглядело как-то до неприличия буднично: Наталью выбрали сначала кандидатом в депутаты, а потом в районе объявили выборы в райсовет.

На избирательном участке толочились аульчаны: деловито сновали механизаторы в засаленных куртках, вперевалку шастали агашки в отороченных мехом бөрік, апайки в камзолах синего или зелёного бархата с серебряными застёжками-капсырма, важно здоровались друг с другом маленькие и большие начальники при неизменных галстуках и в шляпах – все подходили к урнам для голосования, чтобы просунуть сложенный вдвое листок с отпечатанными данными кандидатов и своей галочкой. Наталья Геллерт голосовала впервые в жизни, и в этот же день сама была избрана.

Депутат Кургальджинского районного совета. Это всё в её восемнадцать.

— Мне никто не говорил тогда, что неизменное условие – большой жизненный опыт, какая-то хозяйственно-организационная смекалка, умение красиво говорить... Судили, наверное, по работе больше. Сейчас депутаты у нас как бы освобождённые, а тогда это была нагрузка, общественная работа. То есть помимо депутатской, я по-прежнему работала на своём основном месте.

Как бы мы ни ругали сейчас канувшую в Лету советскую систему народного представительства, как бы ни смеялись над декоративным присутствием в ней простых тружеников – стоит сказать, что попадали в «политическую обойму» отнюдь не кто попало. К кандидатурам в депутаты рай-, гор- и облсоветов относились взвешенно и серьёзно.

Отбор происходил, как правило, на партийных собраниях и сессиях, а весь процесс был строго контролируемым. Кандидатами становились:

- представители трудовых коллективов;
- работники госучреждений, партийных органов, профсоюзов и комсомола;
- успешные производственники;
- новаторы и организаторы, активисты;
- общественные деятели.

Все они должны были иметь «высокие моральные качества, соответствующие облику строителя коммунизма». Если перевести с советского на обычный язык – брали людей ответственных, честных, инициативных, коммуникабельных, образованных, с хорошим знанием законов, с лидерскими качествами и пониманием местной специфики. Ну и без вредных привычек, разумеется.

Это исключительно здравый подход.

Уже на первом депутатском посту Геллерт показала себя более чем соответствующей этим критериям. Из районного «народного представительства» Наталья Владимировна перешагнула ступенькой выше – в область: её избрали и потом переизбирали в облсовет на три созыва подряд.

У советских депутатов были «наказы» – обязательные условия избирателей, которые «слуги народа» должны были исполнить: организовать, помочь, добиться. Не обещания, как сейчас, а обязательства.

Восемнадцатилетней Наталье предстояло преодолеть робость и природную скромность, прежде чем она свыклась с ролью посланника и ходатая за простых людей, научившись запросто распахивать двери кабинетов, где восседали те самые «должностные лица» в галстуках: ведь не себе же просить, а людям!

— Мы обещали, и с нашей помощью действительно, например, провели водопровод в совхоз имени Амангельды. Это было нужное дело для простых людей, у которых не было нормальной воды, хотя и технически сложное. Мы организовали строительство школы в соседнем совхозе «Карашалгинский» – светлой, трёхэтажной. Это я перечисляю самые большие наказания, а была масса менее масштабных, но всё равно значимых, например ремонт квартир ветеранов войны, устройство детей в ясли... Хотя и не сразу, иногда с мытарствами, но я выполнила, всё, что мне поручали.

В КПСС в двадцать лет. В чём сила, товарищ?

В Советском Союзе неременным условием для занятия некоторых высоких должностей было членство в коммунистической партии. Это считалось гарантией лояльности к политике государства, и поэтому некоторые позиции были для непартийных под замком. Например, высшие посты в правительстве и ведущие – в регионах, командные посты в армии, руководство печатными и телевизионными масс-медиа, учреждениями культуры, крупными предприятиями...

Вступление в партию могло восприниматься просто как знак зрелости, иногда – престижа и статуса. Были и те, кто целенаправленно делал на партбилете карьеру, однако в целом это выглядело как принятие серьёзного решения, соответствующего возрасту: ты человек солидный, ответственный – значит «уже надо».

И вот однажды к Наталье подошёл парторг совхоза Габдулла Таипов:

- Послушай, пора уже, наверное, в партию тебе вступать.
- Если пора, давайте.

Многие «ответственные люди» в совхозе поддержали предложение Габдуллы Таиповича:

- Пришло время двигать, Наталья. Ты же депутат наш!

– У меня же папа был ярым коммунистом, – вспоминает Наталья Владимировна, – и я его считала молодцом во всём. Естественно, он тоже мог только поддержать. Мне было двадцать лет. Скажу, что тогда вступление в партию многие наши сограждане воспринимали совершенно ordinarily, не придавая этому никакого политического или идеологического подтекста: всё, мой черёд.

В означенный день в райцентре Кургальджино состоялось бюро райкома партии. С окрестных селений, с совхозов собрали всех претендентов – кандидатов в члены КПСС.

Члены бюро сидели за столом и поочерёдно выслушивали каждого – устраивали своего рода экзамен для новичка: готов ли он? Правильно ли понимает государственную политику, разбирается ли в международном положении?

– Обычно ещё спрашивали про работу. У меня поинтересовались про семью, было что-то и про политику. У нас же до вступления в качестве подготовки вели политзанятия. Которые, кстати, у партийных потом были всегда, и папа мой на такие ходил.

К этому можно по-разному относиться, считает наша героиня, – никто же не просит делать каких-то выводов. Разделяла ли она идеологию, которую несли коммунисты, или больше обращала внимание на поддерживаемую ими практику хозяйственной деятельности?

– У нас эти две вещи не были раздельными, потому что райком партии занимался и хозяйством. Он контролировал всё. Например, нас часто посещал секретарь райкома партии Адильхан Кенжебаевич Шабатов. И он всегда говорил своим подчинённым: «Не трогайте их, они сами знают, что и как, пусть делают своё дело». Понимаете, он нас поддерживал. Если бы не он, тогда, конечно, нам было бы

туго. А уж руководители и члены бюро побаивались его замечаний, потому что «попасть на бюро», когда рассматривают тебя в качестве провинившегося – это было *очень...* Можно было потерять должность, а если случай тяжёлый – могли исключить из партии. Это уже пятно в твоей биографии. Конечно, на работу нас принимал не секретарь райкома, и, казалось бы, как он мог грозить увольнением? Но он мог задать своим коллегами резонный вопрос: если этот работник никчемный, зачем его держать? Я до сих пор считаю эту практику нормальной и правильной: а сейчас, если потребуется, к кому вы пойдёте жаловаться? Кто вас услышит?

В какой-то степени партия была симбиозом церкви и полиции. Она разбиралась в любых жалобах от производственных до семейно-интимных и выносила решения на заседаниях бюро. Проходили и так называемые товарищеские суды.

— У коммунистов был какой-то порядок всё равно. Можно было прийти в райком, наверное, с разными вопросами: от того, что у меня в работе не всё хорошо, потому что кто-то что-то делает не так, до того, что такой-то тип – плохой человек, потому что он плохо относится к работе. То есть моральные вопросы тоже рассматривались. И вот в этом, наверное, и была сила. Ведь если морально разложен человек, он в партию не пройдёт. На моём уровне понимания это было именно так.

Вскоре её как передовика производства избрали членом Кургальджинского райкома. Наталья Владимировна состояла в КПСС до августа 1991 года.

До самого последнего дня партии.

«Кировец»: большой, мощный. Твой

В начале 1970-х в распоряжении советских совхозов и колхозов появились мощные и большие машины, которые изменили сам облик полей.

История легендарной марки началась в 1962 году на Кировском заводе в Ленинграде. Трактор К-700 задумывался как машина пятого тягового класса, и превзошёл производительностью всё, что было до него в мире. Именно таким назвали его на выставке в Париже в 1969 году.

«Кировец» был больше, чем трактором – крепкой и работающей машиной для сельскохозяйственных, транспортных и строительных работ.

— В то время все совхозы начали снабжать новой техникой, — вспоминает Наталья Владимировна. — И нашему хозяйству выделили два этих новых трактора. Но водить их ещё нужно было уметь, а таких трактористов в хозяйстве не было. И нас с Тamarой Акулич на три месяца послали учиться в Атбасар, в СПТУ-89. От области там с нами училось девяносто человек, из девчат только мы двое. Позже от совхоза прислали ещё парней, Наймангазы Исина и Олжекена Шайхина.

Ключи от этих чудо-тракторов девчатам и ребятам вручали известные люди. Наташа приняла их от космонавта Юрия Артюхина. И так, четверо на две машины. Работали посменно, и новая техника была почти круглосуточно в обороте. Более просторная и приподнятая кабина водителя улучшила обзор и снизила запылённость, а ещё её снабдили вентиляцией и отоплением. По сравнению с «Дэ-тэшкой» — вообще песня! И платили тоже солидно — на севе или уборке от 200 до 300 рублей в месяц.

— Совершенно другие возможности. Все прицепные орудия больше по сравнению с ДТ. И конечно, хозяйству было выгодно иметь таких богатырей — больше захват, а значит выше производительность и скорость обработки. И назад на ДТ уже не хотелось!

В 1975 году появилась модель К-700А. Она отличалась усиленной передней полурамой, обновлённая коробка передач исключала потерю мощности при переключении скоростей. На К-700А ввели жёсткое крепление для обоих мостов, увеличили базу и колею.

Выпускался и более мощный трактор К-701, унифицированный с К-700А. Шутка ли — 300 л. с. Это 16 га за смену, если что. Единственной тяжестью в управлении этими тракторами были их габариты. Для ремонта обязательно вызывалась техбригада. К тому примеру, который мы уже приводили — даже самостоятельно поменять колесо невозможно: снять-то его легко, достаточно сбить клинья и кувалдой внутреннее стопорное кольцо, и крышка слезит. А дальше и здоровый мужик в одиночку не справится.

— Я прошла все эти модификации «Кировцев». Последняя, К-701М, была просто классной: мощнее, меньше пыли, защищённый радиатор. Ну и радиоприёмник в кабине: иногда можно петь песни не сольно, а как бы уже в ансамбле.

Именно такой трактор — именно! — ей вручили уже в 1986 году на месте его производства, в Ленинграде, на митинге. Чуть ранее, в кулуарах XXVII съезда партии, после того как Наталья Геллерт с

трибуны раскритиковала качество машин К-701 последней сборки, к ней подошёл Николай Попов, генеральный конструктор Кировского завода.

— Посмотрите, – в его планшете было несколько схем и рисунков, – вот наша последняя модель К-701М: здесь мы модифицировали управление, усилили вот эти узлы... Ну и кресло на плавающей подвеске, кондиционер, радио...

— Николай Сергеевич! Вам не только я спасибо скажу – вам и десятки таких же, как я, трактористок спасибо скажут!

Но это будет десятилетием позже, а сейчас, перед самым началом весенней полевой кампании 1976 года стало известно, что трудовые успехи звеньевой Геллерт на новой технике принесли ей высокое звание лауреата Премии Ленинского комсомола Казахстана...

Убрать то, что посеял весной

Это было следом, летом 1976-го. Удивительно, но работать на комбайне Наталья Геллерт специально не училась. Как она сама рассказывает, в управлении зерноуборочной машиной ей помог разобраться братишка Эдуард, который обучался на инженерном факультете сельскохозяйственного института.

В то время совхозу выделили два комбайна «Нива» – это была первая подобная техника, на которой наши крестьяне в Оркендеу увидели водительскую кабину: до этого на машинах типа СК-4 был только навес от солнца (и то, у кого-то был, а у кого-то нет), а от пыли комбайнёры защищались специальными очками. Из-за них потом вокруг глаз оставались белые круги незагорелой кожи, так что машиниста комбайна можно было легко распознать.

И вот Эдуард прибывает с группой студентов в качестве летней помощи в свой же совхоз. В советское время практика посылать студентов на сельхозработы (это называли «на сельхозы») была повсеместной в Союзе.

Но те две «Нивы» были не укомплектованы, представляя собою большой конструктор, который можно было назвать «Собери сам».

— Наталья, а что делать? – говорит Эдуард сестре. – Давай собирать!

— Но я ничего не знаю, не соображаю в этом.

— Да тут нам сейчас студенты помогут, не переживай!

Одну машину они доукомплектовали шустро, а со второй пришлось к неудовольствию начальства повозиться. Но за это время

Наталья почувствовала, что загорелась самой идеей.

«Действительно, – думала она. – Вот возьмём механизатора. Хотя бы меня. Я весной борону, культивирую, пашу и так далее, а потом что? Потом я не вижу никаких результатов своего труда. То есть, косвенно, конечно, вижу – в работе других. А вот так, чтобы полный цикл у меня перед глазами был, от семени до колоса, который из него вырос – такого нет».

Наталья сама доукомплектовала второй комбайн под чутким приглядом инженера Аманжолы Сатаева, попутно сдавая практический экзамен по устройству агрегата. Часто изрекала известные ей допустимые ругательства, потому что эту машину по пути в совхоз успели тихонько обчекрыжить нечистые на руку и на совесть люди. Пришлось даже использовать некоторые детали от старых комбайнов. Эту машину взял себе Эдик, а ту, лучшую, отдал сестре. И вот – старт!

— Система немножко другая, нежели на тракторе. Здесь же надо знать барабан, накопитель, жатку. Куда уходит зерно, откуда вываливается. И как эту систему регулировать. А так-то что? Шестерёнки эти, всё это я знала и раньше.

Было несколько главных моментов, на которые комбайнёры всегда обращали внимание: например, в одном месте шнек обычно делал прослабленным – чтобы, если он забьётся сырой пшеницей, его просто скручивало в том месте, а весь механизм не вставал; ещё нужно было смотреть, не заполнился ли копнитель соломой, а бункер – зерном, следить за жаткой, чтобы не поймать кочку, и чтобы ничем она не забилась, следить, нет ли потерь после прохода – сучать некогда.

Два с половиной миллиона булок и привет из космоса

...Семя неподатливое, как камешек. Но вот оно падает во влажную почву, и в нём просыпается жизнь. И когда в июне замечаешь всходы, ровные, как изумрудный ковёр – понимаешь: ради этого всё и затеяли. А когда уже в августе выходишь в поле, которое молодцевато и буйно колосится, в полную меру осознаёшь: этот год прошёл не зря!

— А осенью в поле пахнет хлебом. Прямым натуральным хлебом, когда созрел колос. И ты это вырастил, и ты убираешь! И к этому совсем другое отношение, – считает наша героиня труда.

В том самом 1976 году жито в совхозе стояло не только запаши-

стым, но и тучным: никак не меньше 20 ц/га в бункерном весе. Новый комбайн шёл ровно, спокойно и не норовисто, а когда подсчитали Наташину выработку за сезон, так и ахнули: за свою первую уборку ей удалось намолотить больше тысячи тонн пшеницы!

1000 т зерна – это то же самое, что крупный гружёный железнодорожный состав, 50-60 вагонов. Или представьте, что эту пшеницу можно смолоть на мельнице в муку, а потом выпечь из неё хлеб. Тогда, учитывая процент выхода муки, из тысячи тонн с известным приближением выйдет от 2,25 до 2,58 миллиона булок! В том году население Казахской ССР составляло 14,5 млн человек. Если учесть, что мы берём к приёму пищи не целый батон на одного человека, а два-три кусочка, то можно сказать, что Наташа накормила всю Республику!

Она, всего лишь честно исполняя обязанности, получила почётное звание «Комбайнёр-тысячник». Новости о ней замелькали в центральной советской прессе и даже были переданы на вращавшийся тогда по орбите космический корабль «Союз-22». К концу той осенней кампании Наталье Геллерт передали телеграмму поздравления из космоса: пламенный привет слали командир корабля Валерий Быковский и бортинженер Владимир Аксёнов. Вот как много может значить рабочий азарт!

Через некоторое время Наталья Геллерт и сама стала учить молодых людей работать на комбайне. И теперь, благодаря зачастившим корреспондентам, простая сельская девушка приобрела всенародную известность и славу.

Журналисты весьма своеобразный народ. В советское время было принято рассказывать о положительных трудовых примерах, и иногда самый простой и ничего не подозревавший трудяга вдруг оказывался новатором и передовиком, а ещё выяснялось, что новоявленный супергерой кого-то спас и попутно что-нибудь изобрёл.

Сейчас я сам балансирую по очень тонкому мостику: с одной стороны, вот о ком, а о Наталье Геллерт действительно можно было много чего интересного и важного сообщить, а с другой – там, где хватало бы правды, появлялись ну просто какие-то былинные сказы и срежиссированные фото.

Почти никто из информационных засланцев, творивших легендарium о трактористке, не упоминал ни о депортации и каторжном труде её родителей, ни о нечеловеческих условиях, в которых семья была вынуждена выживать первые годы, ни о том, как сама Наталья боролась против показухи и откровенной брехни. Её настоящая

история – подтверждение тому, что правда всегда находит себе дорогу и оказывается гораздо жизнеспособнее всех вымученных постановок.

Впрочем... В этом строю работников авторучки и микрофона оказался человек, который во многом был отличен от своих коллег. Они крепко подружились с Натальей. Её звали Ада Дихтярь, а работала она корреспондентом в популярнейшем тогда на селе журнале «Крестьянка».

— Ада была откровенной, с чрезвычайно высокой планкой ответственности за всё, что писала. С чуткостью, неравнодушием и эмпатией, с ёмким, богатым языком. Мы дружили с ней долгие годы.

В ряду произведений Ады Борисовны появилась и повесть «От весны до весны» [11]. «Очень дорогому мне человеку с надеждой на светлый завтрашний день», – напишет она своей героине на подарочном экземпляре книжки в августе 1989-го. Но до этого времени произойдёт ещё много важных для Натальи событий.

Газидулла. История четырёх поколений

Они не писали друг другу записок в школе. Не встречались на дискотеке, не забегали зимой вместе погреться в подъезд... А давайте по порядку.

Газидулла Бекешев происходил из рода Аргын.

Его прадед Бораш жил с родственниками в Акмоле, когда населённый пункт был захолустной провинцией. В 1931–1933 гг., во время голодомора, вызванного официальной политикой «уничтожения кулачества как класса» и конфискации скота, он вместе с другими семьями двинулся вглубь степи в поисках пропитания. Вокруг промышляла смерть, которая настигала прежде всего самых слабых – детей и стариков.

«В эти годы у людей отнимали скот, имущество и под конвоем милиции направляли в «точки оседания». Скот, реквизируемый для нужд колхозов, забивали на месте, так как невозможно было прокормить собранные в одном месте большие стада. К 1933 году из 40 млн голов скота осталась примерно одна десятая часть. От таких действий в первую очередь пострадали казахи, так как скот был главным, а нередко единственным источником их пропитания» [12]. «Приведённые оценки позволяют сделать вывод о том, что Казахстан был наиболее пострадавшим от голода 1930-х годов регионом СССР» [13].

Семья Бораша нашла спасение в местечке Қорғалжын. Дикая фауна и богатая растительность помогали беглецам выживать. Здесь они и осели, занимаясь охотой и рыбалкой. Вскоре прадед Бораш умирает. Недолгими оказались и дни его сына Бекеша, который и дал имя фамилии. Старшим в семье становится его сын Шайхуали, на чьи плечи ложится забота о младших братьях Курмане, Ишане и Ахмете. У Шайхуали в браке с Алмой родилась дочь Жамал, они приняли в семью племянницу Кияш (её отец Ишан погиб на фронте Второй Мировой), потом были дети Куляш, Газидулла, Губайдулла, Кабдулла и Бахыт.

Газидулла, как и остальные его братья-сёстры, учился в школе в Оркендеу. Здесь он и увидел Наташу впервые: он был в классе с казахским языком обучения, а она – в русском. И старше её на год. У юноши были планы на среднее образование, а, как мы помним, в входе школа была восьмилетней. И вот Газидулла едет в Акмолинск, который не так давно после визита Хрущёва переименовали в Целиноград, где живёт у дяди. В 1969-м он поступил в Целиноградский механико-технологический техникум на специальность «техник-механик мукомольного производства и зернохранилищ». Учёбу прервала армия, после которой Гази (так его звали для краткости) первым же делом заехал в Оркендеу повидаться с Натальей.

Специалисты-мукомолы были на селе на вес золота, так что по окончании среднего учебного заведения юношу сразу же направляют на родину в Кургальджино – работать на хлебоприёмный пункт.

Буквально год потребовался его начальству, чтобы понять, что парень отлично подходит для серьёзной и ответственной работы. Так из механика в Оркендеу, куда его направили после работы на ХПП, он «вырастает» до заведующего всем МТМ – отвечать за всю совхозную технику! Это было делом непростым, учитывая незавидное положение с запчастями в эпоху, когда всё остро необходимое требовалось «выбивать» и «доставать».

Как имам Жармаганбет убедил коммуниста Владимира

Ещё в бытность мастером МТМ Газидулла работал под началом Владимира Ивановича Геллерта, который был доволен его исполнительностью и обязательностью, и всегда хвалил его, конечно же, не предполагая Газидулла своим будущим зятем.

Гази постоянно виделся с Наташей. Вспоминает Кумысжан, жена Губайдуллы, его брата:

— Газидулла дружил с Наташей четыре года. И зимой, когда работы было поменьше, он назначал ей свидание, приводил к нам домой. Я ставила им самовар, они пили чай, сидели и часами вдвоём разговаривали. А на улице трещал мороз. Конечно, родителям Газидуллы мы не говорили об этом. Я, как жеңге, держала всё в тайне от них [14].

— У нас не было никакой дискотечно-танцевальной романтики. Во-первых, какой я танцор? – рассуждает Наталья Владимировна. – Мне некогда было. Я с поля ночью приезжала в двенадцать часов. Это Гази, между прочим, когда в городе учился, он кружок танцев посещал. То есть он-то танцевать умел. Он танцор, а я нет!

Люди так устроены: нам всегда интересно дотошно выведывать, как именно сошлись какие-то известные личности, где встречались, как он сделал ей предложение, что подарил, да что при этом сказал, и какой знаменитый кутюрье пошил потом свадебный наряд невесты...

В этом смысле история Натальи и Гази была бы для раскрученных колумнистов совершенно провальной: в их решении начать совместную жизнь совершенно нечего превращать в лонгрид или, тем более, экранизировать. Ну может быть, кроме одной сценки.

Когда Газидулла сделал Наталье предложение, он сразу же рассказал о своём намерении родителям. Семьи друг друга хорошо знали, и Бекешевы решили, как водится искони, заслать к Геллертам сватов. Главным выступил дядя Жармаганбет. И был он не кто-нибудь, а настоящий имам Целиноградской мечети! И вот сваты чинно заходят в дом Владимира Ивановича...

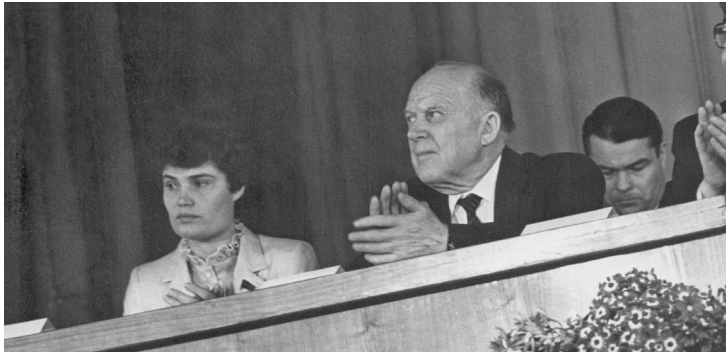
История не сохранила их разговора, а выдумывать я не стану. Ясно, что беседу начали издали, расспросили друг друга о здоровье. Наконец Жармаганбет излагает главную цель визита. Родители Натальи, как это часто случается, усомнились в серьёзности намерений Гази и Натальи. Но не случайно бас куда был именно Жармаганбет – человек, чьим призванием было убеждать, увещевать, проповедовать... Когда разговор уже начал заходить в тупик, он привёл несколько убедительных, красноречивых и неоспоримых аргументов – таких, что ледок недоверия растаял, и в беседе о ближайших планах уже начали мелькать слова «бата» и «свадьба».

Начало 1970-х. У первого «Кировца» в совхозе: трактор наш, советский, рекорды на нём – наши, улыбка – тоже советская! Джинсы, правда, болгарские. Но такую уж форму раздали всей бригаде!

Посев зерновых трактором К-700 и стерневая сеялка СЗС-9. На тракторе справа – брат Наталии, Артур. «Мы были в одной бригаде, а техника у нас мощная была. Во всём и везде была взаимовыручка»

1979 г., Целиноград. С академиком А. И. Бараевым, директором ВАСХНИЛ (Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина). «Было совещание в честь 25-летия Целины, и мы сидели в президиуме»

1976 г. «С папиной стороны сижу я, потом Аня, Ольга, Артур. Спной сидит Володя. А с маминной стороны сидят: Лена, Рита и Рената. Рената – племянница, дочка моей старшей сестры Лиды, она воспитывалась у нас. У стола стоит маленький Бауыржан, сын Лиды». Фото Бориса Кавашкина

1974 г. «Мы на посевной, начало мая. Первый – мой брат Эдуард, остальные – члены нашего звена. Обед привозили в поле, потому что мы работали далеко от бригады»

1976 г. Н. Геллерт - лауреат Премии Ленинского комсомола Казахстана. Съёт передовиков производства, Алма-Ата

1979 г., Чехословакия. «Проводились соревнования пахарей из стран-членов СЭВ. Здесь я с судьями моего участка. Они замеряли глубину обработки»

1980 г. Встреча с избирателями в своём ауле Оркендеу. Н. В. Геллерт: «Таких встреч было много, когда я уже стала депутатом Верховного Совета СССР. Проходишь по улице, а односельчане что-то спрашивают. Пока отвечаешь, набегает целый круг людей. Это одна из таких встреч». Фото Бориса Кавашкина

1979 г., осень. Родители Натальи Владимировны, Владимир Иванович и Марта Людвиговна Геллерты

1980 г. Н. В. Геллерт: «На кухне у нас дома в ауле. Я, Гази и Жанаргуль». Фото Бориса Кавашкина

1984 г. Н. В. Геллерт: «Печём хлеб со свекровью»

1984 г. Н. В. Геллерт: «Арман, я и свекровь. Пьём чай»

1984 г. «Я выступала в Совете национальностей в Кремаёвском Дворце съездов. Рассказывала о положении в области, о своей работе, о депутатских делах»

1984 г. Депутаты Верховного Совета СССР Наталья Геллерт и Нурсултан Назарбаев, председатель Совмина Казахской ССР. Георгиевский зал Кремля. «Я тогда не могла знать, что Нурсултан Абишевич станет президентом страны. Мы обычно и просто общались, вот как я с вами сейчас»

1988 г., 24-26 мая. Москва, Кремль. 9-я сессия Верховного Совета СССР 11-го созыва. Слева направо: Нурсултан Назарбаев, Наталья Геллерт, Камшат Доненбаева, Василий Демиденко, Карлыгаш Тасбулатова, депутат из Чимкента

1980 г. С братом Артуром у агрегата СЗС-2,1 из 5 сеялок, регулировка и настройка перед посевом

1986 г., 19 апреля. Н. В. Геллерт: «Я ездила в Ленинград, где мне вручили именной трактор. Это К-701М, последняя модификация, на которой я работала, очень хорошая машина. Со мной рядом делегат XXVII съезда КПСС от Кировского завода

1996 г., Бонн. «Снято во время официального визита Нурсултана Назарбаева в Германию. Он посетил посольство Казахстана в Бонне. Я тогда работала в этом посольстве. Когда мои коллеги узнали, что мы знакомы с Нурсултаном Абишевичем по депутатству, то сразу сказали мне: «Попроси его с нами сфоткаться!» Все рванули к нему, а я осталась в стороне. Тогда он обратился ко мне (этот момент на фото): «Вставай рядом!» Кстати, костюмы мы себе шили сами»

2004 г. Вручение медали «50 лет Целинью», МИД. На фото справа от Н. В. Геллерт – министр иностранных дел Касым-Жомарт Токаев (в должности с 2003 по 2007 гг.)

2004 г., апрель. Хаттинген, Германия. Все дети Владимира Ивановича и Марты Людвиговны. Стоят, слева направо: Лидия, Елена, Эдуард, сама Марта Людвиговна, Владимир, Анна, Ольга. Сидят, слева направо: Наталья, Роза, Роберт, Артур, Маргарита

2008 г. Рабочий кабинет Н. В. Геллерт в Парламенте РК

Из-за свадебного стола – на слёт передовиков

29 октября 1976 года в доме Шайхуали Бекешева гулял весь Оркендеу! И ведь давненько уже местные, зная о готовящемся событии, мечтали спеть неизменное в таких случаях «Дудар-ай»:

*Мәриям Жагор деген орыс қызы,
Он алты, он жетіге келген кезі,
Қазаққа Дудар деген гашық болып,
Сондағы Мәриямның айтқан сөзі!*

Примечательно, что родилась эта известная всем казахам песня именно здесь, в Кургальджинских краях, когда в начале XX века дочь русского переселенца Мария и местный казах Дуйсен (его прозывали «Дудар» – кучерявый) полюбили друг друга, но вынуждены были страдать из-за межнациональных предрассудков родителей. Сказание, в отличие от большинства схожих, закончилось не трагедией, а счастливым браком. И даже памятник Марии (Мәриям)

1976 г., 30 октября. Алма-Ата. Снимок можно назвать «Just married». Наталья и Газидулла получили приглашение посетить слёт передовиков производства в Алма-Ате в качестве свадебного подарка от Целиноградского обкома комсомола. Прямо со свадьбы ночью они отбыли в Целиноград

стоит в Кургальджино. Невольно проводятся какие-то параллели с нашими героями, хотя ни тяжких страданий, ни особых предрассудков в истории Наташи и Газидуллы не было – видать, пришли иные времена в степь...

И вот по очередности тостов, слов поздравления и напутствий дело доходит до представителя Целиноградского обкома комсомола:

— Дорогие Газидулла и Наталья! Позвольте в качестве важного дополнения к нашему подарку вручить вам вот этот запечатанный конверт. Но у меня наказ от комсомольцев Целинограда: вскрыть его прямо здесь, перед всеми гостями!

Что обычно бывает в таких конвертах? Деньги, ключи от чего-нибудь? Дрожа от волнения, новобрачные вдвоём аккуратно отрывают полоску бумаги...

— «Приглашение на республиканское совещание передовиков сельского хозяйства в городе Алма-Ате!» – громко читает Наталья. Гости отреагировали одновременным многоголосием поздравлений и шквальной овацией: достойным аульчанам – достойный старт семейной жизни!

— Босағаңыз мықты болсын!

— Екі жас жетпіс бес жас жұп болсын!

— Ұзақ өмір сүріңіздер! Жастарға бақыт тілейміз! – кричали отовсюду.

Итак, сегодня 29-е, а слёт – 30-го! Ехать нужно было уже сегодня...

Молодые выехали, можно сказать, прямо из-за свадебного стола ночью. Дальше их путь лежал в Целиноград, где предстояло сесть на самолёт, чтобы успеть. Командировку на совещание им обоим (спасибо совхозному начальству) продлили, так что молодожёны смогли ещё неделю побыть в таком «производственном» свадебном путешествии и полюбоваться шафранной осенью в южной столице.

На обратной дороге прямо ночью заехали к родителям Газидуллы. Заметим, новая келін сразу пришлась по душе хозяевам дома: скромная, расторопная, вежливая. И воспитанная, как казалось, в самых настоящих казахских традициях.

Оттуда молодые возвратились уже в новую трёхкомнатную квартиру, которую предоставил совхоз. Дом был обставлен мебелью, на кухне блестела белой эмалью газплита на баллонах, а рядом теплилась заботливо натопленная специально к их приезду печь. «Шаңырағыңыз алтын болсын, керегеніз күміс болсын!» – вспомнилось им свадебное пожелание...

Жанаргуль и Арман

Через год у Газидуллы и Наташи родился первенец – дочь Жанаргуль. Имя по обычаям ей дала бабушка Алма. Через четыре года (1981), уже в новом доме, который специально для них построил совхоз, у них появился сын Арман. Ему имя, всем на удивление, придумала сестра Жанна (Жанаргуль):

— У нас в совхозе есть только один Арман. Я хочу, чтобы у нас тоже был Арман, свой Арман.

Дедушка Шайхуали с бабушкой Алмой переглянулись, улыбнулись... и согласились. Жанна всегда скучала, когда Армана не было рядом, а в детских играх стала его настоящей защитницей. Она могла сказать дворовым пацанам:

— Только троньте моего братика! Я вам покажу!

Болели дети редко, не дольше двух дней, как вспоминает Арман. Но если и приключалась какая хворь, баба Марта пускала в ход и массаж с гусиным и бараньим жиром, и компрессы, и вообще все свои знания и большую любовь:

— Heile, heile, Katzenfleck! Morgen ist schon alles weg, – приговаривала она во время таких «процедур».

В пять лет Арман уже сидел на лошади и часто был «челноком» между домами Геллертов и Бекешевых – возил туда-сюда гостинцы; в его десять отец обучил его водить машину, и теперь он возил те же самые пирожки и баурсаки, сидя за рулём. Правда, мелковат ещё был, так что под сиденье подкладывали подушку. Сейчас бы сказали – невысшимое нарушение ПДД и техники безопасности, а тогда многие мальчишки так могли.

— И потом Арман стал универсальным специалистом в любой, даже большой технике, а научился он этому от дедушки Владимира Ивановича, – рассказывает Жамал Тажикенова, которая годы спустя станет его тещей, – а отец Газидулла учил его и Жанаргуль аккуратности и порядку, в чём он, пожалуй, даже больший немец, чем сама Наталья Владимировна!

Дедушки и бабушки часто проводили время с внуками, обучая их очередным хозяйственным премудростям, пока папа и мама были на работе или в разъездах. Жанаргуль вспомнила, что им так нравилось бывать у Владимира Ивановича и Марты Людвиговны, что вечером, когда их, возвращаясь с поля, должны были забрать домой родители, они шли на хитрость: специально перед их приходом дети

ложились спать, а когда папа с мамой появлялись в дверях, то слышали шёпот бабушки:

— Дети уже спят! Пусть остаются...

И так было много раз.

— Мои дети, когда у нас шла посевная или уборка, почти постоянно были у моих родителей, – призналась Наталья Владимировна. – Скажу прямо, воспитание моим детям дали в большой степени именно они. Поэтому я и смогла дальше работать в поле, а ведь ещё были и депутатские обязанности. Многие мои знакомые женщины, кто собирался идти в механизацию, на каком-то этапе бросали профессию, потому что совмещать это с семьёй тяжело. Мне в этом плане повезло. Муж поддерживал. Да, мы на работе, знаете, ругались. Он механик, он занимается целой бригадой, а у меня звено – у каждого своя забота. Но зато мы, если на работе и поругаемся, домой приедем – через порог перешли и всё забыли. Жизнь – это ведь не только идиллия, бывает всякое. Но мы прошли этот период. И я очень счастлива, что мне на жизненном пути встретился мой супруг Газидулла.

1984 г. У дома с детьми Арманом и Жанаргуль

На тракторе до Луны и дальше по экватору

— Орден Ленина я получила в декабре 1976-го, то есть уже освоив комбайн. В райкоме партии награду мне вручил первый секретарь Актан Тулебаев – тот самый, который когда-то приезжал к отцу на охоту. Что же в целом до такой высокой, почётнейшей в Советском Союзе награды – я всего лишь трудилась и выполняла то, что от меня требовалось, – рассказывала мне Наталья Владимировна.

Я слушал, и невольно вспомнилась цитата из «Анны Карениной» Льва Толстого. Там есть эпизод, когда сын встречается отца, которого только что наградили большим орденом. Сын спрашивает, рад ли отец награде, и слышит ответ:

— Дорога́ не награда, а труд. И я желал бы, чтобы ты понимал это. Вот если ты будешь трудиться, учиться для того, чтобы получить награду, то труд тебе покажется тяжёл; но когда ты трудишься <...>, любя труд, ты в нём найдёшь для себя награду [15].

— Я бы, наверное, сказала так же. Именно потому, что никогда не ставила себе задачу получить какую-то награду или ещё что-то. Я их не коллекционирую, я не тщеславный человек. Я просто работаю. И работаю так, чтобы это было хорошо сделано. Чтобы я, оборачиваясь, не краснела.

Отец в своё время не зря предупреждал пятнадцатилетнюю ещё Наташу, что труд механизатора, вообще труд на поле, суров даже для мужчины. Всё это нашей героине пришлось познать сполна.

— Мы работали в любой сезон. Зимой выходили даже в бураны и сами себе были спасатели и ЧСники. Я расчищала дороги и всегда знала, сколько какого транспорта выехало из хозяйства. И пока последняя машина не вернется в посёлок, я на дороге. Каждое утро я чуть свет просыпаюсь и чешу на нефтебазу заправляться, а потом на базы, чтобы кормить скот. Мы, когда были откормсовхозом, постоянно возили в город сдавать скот. Это тоже было нашей работой.

Один раз Наталья с Тамарой, ещё на ДТ, сопровождали до трассы гружёные зерном машины. Тот год выдался урожайным, так что хлеб, которого было в избытке, вывозили аж до декабря. Не лучшим образом организованная логистика, но так иногда случается. Однажды – а невысокое зимнее солнышко уже скатывалось к горизонту – до трассы потребовалось ехать километров сорок. Вышли на твёрдый асфальт уже в темень, а ведь теперь нужно назад, домой!

— Тамара стала дремать, я вела трактор. Вдруг повалил сильный снег, и я поняла, что веду наугад – не поймёшь ведь, где дорога, а где

степь. Передо мной просто белая стена, и всё. Свет в тракторе замкнул – значит, садится аккумулятор, машину нельзя глушить. Тамара сквозь сон просто махнула рукой – чему быть, тому уж не миновать. А если кончится топливо, а мы попадём в солонец, или, того хуже, в озеро? Застрянем и замёрзнем. Мороз усиливался, кругом темень. Еду, еду, вроде пора поворачивать направо. Вдруг – ррраз! – попадаю в яму. От встряски загорается яркий свет, и в свете фар я вижу вдали дом! Спасены... От радости чуть не заплакали тогда. И подобные случаи были не редкостью.

Наталья Владимировна Геллерт отработала на тракторе (позже дополнив его комбайном) с 1969-го по 1990-й. Двадцать один год. Сколько было их, трудовых километров? Километров пашни, сопровождения, вёрст дороги до райцентра и обратно? Попытаемся подсчитать то, что даже ей самой ни разу в голову не пришло, поэтому как подобные измышления – дело отчасти праздное, не для её склада. Но интересно ведь.

Сразу оговорюсь: расчёты приблизительные. Итак, средняя скорость трактора по полю во время сельхозопераций – 7 км/ч. Умножаем примерно на 10 часов в день (учитывая обед и возможные простои) = 70 км в день. Умножаем это примерно на 320 рабочих дней года (365 минус тогдашний механизаторский отпуск, минус возможный больничный или ещё что-то) = 22 400 км в год. Это уже больше половины длины земного экватора (40 075 км). Теперь множим на 21 год работы = 470 400 км. До Луны (384 400 км) Наталья Геллерт точно бы добралась. Или десять раз вокруг Земли на тракторе обернулась.

Депутат Верховного Совета СССР

Вёрхом депутатской карьеры в Советском Союзе было избрание в высший орган государственной власти – Верховный Совет. Это был такой своеобразный двухпалатный парламент, управлявшийся исключительно коммунистами; орган не только законодательной власти, но частично исполнительной и контролирующей. Формально это был коллективный глава государства – самого большого в мире, мощного и грозного. Помещение Верховного Совета располагалось в московском Кремле.

Шёл 1979 год.

— Однажды я была на снегозадержании. Гляжу – на трассе рядом со мной остановилась служебная машина, прибыла секретарь

по идеологии из райкома партии, звали её Магауия Есиловна Исмаганбетова. Да, её звали мужским именем. Я очень удивилась, что её привезли прямо в поле: что случилось? «Наталья Владимировна! Мне поручено сообщить, что вас выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР от Атбасарского избирательного округа». Я, конечно, была в шоке... И, честно сказать, никакой радости не испытала. Какая радость, когда я понимала, что за ответственность на мне! Это же не район представлять, и даже не область, а весь Казахстан в Москве...

Потом, когда выдвижение кандидатом закономерно (как это бывало в Советском Союзе) окончилось голосованием и избранием, Наталья Геллерт осознала, какой груз теперь тащит: к ней стали обращаться с просьбами, лично или в письмах, не только жители соседних сёл, не только казахстанцы, но и, например, из Украины, Сибири... «Да, раз мы избраны, мы должны внимательно прислушиваться к избирателям, пусть даже не нашим, и пытаться решать любые вопросы наших сограждан».

— Я не знаю, кто определил моё избрание в Верховный Совет, — продолжает Наталья Владимировна, — это решалось коллегиально. И, знаете, даже в Верховном Совете мы, депутаты, не были освобождены от основной работы. Я вызывалась в Москву, и там сессия была, и заодно сразу заседание комиссии. На это у меня уходила неделя. Я в первом созыве была в комиссии по бюджету, а во втором — возглавляла комиссию по труду и быту женщин, охране материнства и детства. И конечно, в это время у меня было много выездов за рубеж, были встречи с разными организациями, просто с людьми.

...Давайте переведём дыханье. Думается, именно здесь некоторые могли бы задать резонный вопрос: «Ну вот смотрите: ведь обычная же девушка. Каким образом ей, провинциалке, удалось добраться до таких высот и что за этим стоит? Ведь выдающихся механизаторов, «знатных» доярок и скотоводов среди советских немцев было предостаточно, но замечена была именно Наталья Геллерт — почему?»

Она всегда отвечала на этот вопрос так:

— Нет никаких тайн. За этим стоит огромный труд и энтузиазм молодости. Ничего более.

Десять лет наездами в Кремле

В Москве Наталья до этого уже успела побывать: ещё комсомолом она приезжала в столицу СССР с передовиками производства

из Казахстана, чтобы сфотографироваться у Знамени Победы.

— До этого я, конечно, была и на Красной площади, и в мавзолее Ленина, но именно во второй раз увидела все эти «коридоры власти» Кремля. Мне, сельскому человеку, видеть всё это мощное величие было большим воодушевлением. Это прямо подстёгивало меня трудиться дальше.

Перед этой поездкой нашему новоизбранному депутату предстояло решить один совсем не политический вопрос. Вспомним: в чём люди тогда ходили на селе? Вот-вот. А следовало появиться во Дворце съездов! За несколько дней до выезда Наталье Геллерт позвонили с облисполкома:

— Вы скоро выезжаете. Естественно, вы должны выглядеть... соответствующим образом.

— И я приехала в Целиноград, — вспоминает она, — меня водили по мастерским, и по моему размеру меня одевали. Да, такое было, и это совершенно нормально. Я не скажу, что я потом демонстрировала наряды и гордилась своим столичным видом, но это требовалось для дресс-кода, — хотя самого этого слова ещё и в помине не было. Скоро односельчане за моей спиной, конечно, начали шушукаться: вот, депутатом стала, в Москву ездит... Знаете, я не слушала их. Моя цель была — обеспечить благополучие семьи и достойно исполнять свои обязанности. А то, что кто говорит...

Но совсем игнорировать народный интерес не получалось. Наталья Владимировна, как обычно, прилетала из Москвы с сессии, в аэропорту её встречал муж, и они ехали в своё село. Естественно, скоро выяснялось, что нужно зайти в магазин, что-то приобрести по хозяйству. В один из таких моментов Наталья попросила Гази:

— Послушай... А ты не мог бы сам сходить и купить?

— Мне кажется, лучше было бы пройтись вместе.

— Ну хорошо.

Они взяли всё, что хотели, и уже выходя на улицу, оба заметили, как все оборачиваются. Наталья Владимировна просит мужа:

— А теперь оглянись и посмотри на окна.

— А что они смотрят на нас?

— Ну как же, сам депутат Верховного Совета приехал... Вот люди и судачат. У меня же как — любой мой шаг влево и шаг вправо обсуждается.

«За мной следит народ, — думала Наталья Владимировна. — Я не имею права нигде ошибиться. Поэтому всё, что бы я ни делала, следует делать безукоризненно».

Наталья не раз выступала с высокой трибуны кремлёвского Дворца съездов, и в докладах частенько звучали отнюдь не дифирамбы «партии и правительству»: она говорила об устаревшей технике, о том, что советы опытных агрономов отменяют волевым решением партийных функционеров, о том, что не навешиваются в сельскую глубинку именитые артисты, что мало строим школ...

Даже если и звучало из её уст, что Целина дала признание и почёт представителям многих национальностей, что ей, этнической немке, оказано большое доверие – она исходила не из пропагандистских лекал и методичек, а из реальностей собственной семьи, посёлка, района.

— Посмотрите на меня, – сказала она однажды в выступлении на очередном съезде, – наша семья большая и многонациональная. Мой муж казах, и дома мы говорим на трёх языках: на русском, казахском и немецком. И таких семей только в нашем районе немало, – начала она, и тут же зал утонул в аплодисментах юной трактористке, которая, впрочем, держалась перед известными людьми и телевизионными камерами с завидным бесстрашием и самообладанием, – и всё это на нашей гостеприимной казахстанской земле!

После каждого её выступления и возвращения в район у Натальи была обязательная встреча с тружениками в Кургальджинском Доме культуры. Её слушали, ей аплодировали, её хвалили, но с ней и спорили, часто наперебой рассказывали о своих проблемах, приглашали – приезжайте да посмотрите, как мы живём. Это давало ей возможность буквально дышать интересами своих избирателей, да и жизнь она знала не понаслышке: чай, не в кабинетах просиживала. Каждой весной с раннего утра и до полуночи под ней переворачивалась под плугом наша казахстанская земля, а в конце августа горизонт застилался золотым ковром впитавшей щедрое солнце пшеницы.

Первые пять лет союзного депутатства закончились, и в области стало понятно, что задачи «народного представителя» Наталья Геллерт исполняет образцово.

Однажды в сентябре во время уборки – дело было в 1984 году – на поле, где она работала, прибыл (естественно, визит готовился загодя) тогдашний председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР и заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Саттар Нурмашевич Имашев. Комбайны «Нива СК-4» и «СК-3» с жатками «ЖВН-6» работали на свал хлебов, и на поле тянулись валки пшеницы.

Имашева послали, в числе прочего, посмотреть – действительно ли она такая героиня, эта «знатная трактористка Геллерт»? Как обстоят дела в её звене, в её бригаде? А местные разом пустили все комбайны, чтобы картинка была красивая. Ну любим мы так, чего уж скрывать.

— Саттар Нурмашевич хотел поговорить со мной, а я буквально пряталась – ведь вся в мазуте, мы же на поле не блестим. Но он разыскал меня и предложил сесть в свою машину. Тогда наш директор предложил свою «Волгу» – как бы я не запачкала его салон. Но нет, Имашев настоял и посадил меня к себе. Мы ездили по полям, и я отвечала на его вопросы. Я сказала, что, если у меня возникают какие-то потребности по работе, обком партии и райисполком всё решает. Хотя наш директор перед разговором шепнул мне: «Попроси у него, что тебе надо, этот всё может устроить!» Потом было совещание в области, и Саттар Нурмашевич сказал: «Все от меня чего-то добивались – кто-то машины новые просил, кто-то трактор или комбайн, – кроме этой женщины». И потом – раз! – меня избирают на второй депутатский срок в Верховный Совет, на 1984-89 годы. Вот такая история!

Будучи депутатом Верховного Совета двух созывов подряд, Наталья Владимировна действительно могла, смело и открыто выступая с трибун и общаясь с министрами и государственными чиновниками, решать многие хозяйственные вопросы избирателей на местах. Но это часто были... какие-то другие места, будь то, к примеру, Кубань или Якутия. Тем явственней замечался диссонанс: изменить к лучшему систему хозяйствования, уйти от приписок в отчётах в своём собственном районе оказывалось почти невозможно.

Сожрите зерно!

Саттару Имашеву было бы на что взглянуть не только в день своего визита, а и в любой другой: Геллерт не готовилась к приезду высокого гостя, а просто делала каждый свой рабочий день образцовым. Это видели все вокруг – и кто-то, как обычно бывает, восхищался, а кто-то ведь и завидовал.

В один из таких погожих дней её бригада первой начала уборку.

— Пришлите транспорт, – говорит Наталья в рацию, – мы всё. Бункеры полные у ребят.

Рация – вещь на поле незаменимая. Правда, она проигрывает современной мобильной связи в плане приватности и защиты со-

общений: во-первых, радиостанции передают сигналы на определённых частотах, и если приёмник настроен на сопредельную, могут случиться перекрытия сигнала. Во-вторых, бывают всякие помехи, рассеивания... В общем, вдруг в потоке отрывистых сообщений и посторонних шумов Наталья ясно слышит:

— Не принимайте зерно у звена «Целинник».

Разбираться, зачем это было сказано, некогда. Ясно, что завистники. Да даже и кто именно сказал, ясно. Ясно, что он хочет подставить. Ведь если свежее зерно оставить в бункерах, оно будет «гореть»: при влажности выше 14% в нём начинается теплоотделение, окисление и брожение. Звеньевая Геллерт командует:

— Ребята, высыпайте зерно на поле. Сыпьте прямо на поле все!

Высыпали. На свежем воздухе вероятность «горения» сильно уменьшается. Наталья командует хлопцам:

— Завтра утром я поеду разбираться. А вы сожрите зерно снова.

«Сожрать» – это такое своё словечко у комбайнёров: то есть подыхать и снова механически подобрать всё с почвы в бункер.

С первыми рассветными лучами Наталья садится в «Жигули» брата Эдуарда и едет с ним прямо в Целиноград. Звонит с телефона-автомата в холле обкома партии первому секретарю Морозову:

— Николай Ефимович, а я к вам на приём приехала. Внизу стою.

— Так заходи, конечно! – отвечает голос на том конце провода.

Если когда-то и пользовалась она своими депутатскими привилегиями, то это был как раз такой – редкий случай. Наталья Владимировна входит в кабинет со стенами, обшитыми полированным деревом, и без лишних эмоций рассказывает о том, что произошло накануне.

— Ну что это вообще, в конце концов? Да и может ли такое быть? – негодует партийный босс.

— Может, Николай Ефимович. К сожалению, я это уже проходила. Ну поезжайте, посмотрите.

К этому времени ребята в бригаде уже «сожрали» своё зерно, портянки развешали на мотовилах. А что делать? Куда теперь его девать?

Морозов звонит в райком партии, в исполком, и оттуда оперативно выезжает целая комиссия. Конечно, убранный зерно загрузили в транспорт и вывезли. И саботажника нашли. Из начальства оказался. Был показательный разбор: этого человека, имя которого Наталья Владимировна не захотела назвать даже для истории, могли просто исключить из партии.

— Пришёл ко мне, встал на колени, плачет. Я его простила, но зря. Потому что натура у него осталась такой же подленькой. А я сказала всем, кто был со мной в тот момент: «Послушайте – я что, свой огород пашу? Я же для страны работаю. Для вас всех. Поэтому давайте так: личные счёты и зависть на поле с собой не возим. Договорились?»

Немецкая автономия?

Однажды Наталья Геллерт пропустила целое историческое событие: летом 1979-го в Целинограде прошли протесты против планов создания в Казахстане немецкой автономии. Где же была наша героиня? В поле, где же ещё. Но всё по порядку.

1970-е годы в Казахстане, казалось бы, период стабильности и интеграции в советскую систему, скрывают малоизвестную, но значимую главу в истории немецкой общины. Это история о тайных встречах, осторожных дискуссиях и, в конечном итоге, о столкновении с жёстким сопротивлением.

В августе 1976 года группа членов ЦК КПСС, которая разрабатывала вопрос создания немецкой национальной административно-территориальной единицы, выступила с предложением образовать автономную область в Казахстане с центром в городе Ерментау. Почти через три года, а именно 31 мая 1979 года, Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «Об образовании немецкой автономной области».

— В те годы действительно ставился вопрос, как сделать автономию. У организаторов была идея сохранить в Казахской ССР культуру и язык немцев, заодно отвадив их от попыток бороться за восстановление АССР Немцев Поволжья, – вспоминает Наталья Владимировна. – И в ЦК действительно прорабатывали этот вопрос, хотели что-то сделать здесь в Казахстане. Я об этом совершенно ничего не знала, и, думается, так было устроено не случайно.

Тогда казахская общественность сразу восприняла идею в штыки: не дадим растаскивать Казахстан! Да и потом: сейчас немцам автономную область, а дальше что? Уйгурам, узбекам, дунганам?

И вот 16 июня того же года Наталье – так вышло – срочно потребовалось выехать из совхоза в райцентр по делам. Она приезжает со смены, переодевается, прибывает в Кургальджино. Идёт по улице...

— Навстречу попадаются люди, и все смотрят на меня... как на привидение! Я думаю: что с ними? Или что-то со мной? Иду, ускоряя

шаг, к Оле и Лиде – мои сёстры там жили, – описывает тот момент Наталья Владимировна, – прихожу и первым делом и спрашиваю у них: с чего вдруг народ на меня глазееет?

– А что, ты ничего не знаешь? – удивляется Лидия.

– А что я должна знать?

– Сегодня здесь возле райкома партии люди выступали, была толпа, целая демонстрация казахов.

– Чего же они хотели?

– Они против какой-то немецкой автономии. Мы сами понять ничего не можем. Про тебя говорили, что это ты что-то с руководством Казахстана решаешь. А тут у нас Бижкенов [16] всех убеждал – ну что неправда это, что ты в поле сейчас... Говорил, что машину даст, чтобы поехали да посмотрели на тебя, если кто хочет.

Наталья тихо садится на стул, обхватывает голову руками и пытается хоть что-то понять...

«Когда мне стала известна подоплёка, я почувствовала, что меня просто обошли. Я была в ярости: люди думали, что я причастна к этим событиям, но ни райком партии, ни обком меня даже ни в какую известность не поставил!»

Она прямо от Лиды звонит в обком:

– Почему вы меня избираете, решаете какие-то вопросы о том месте, где я живу, а я не в курсе дела?

– Нет, что вы, Наталья Владимировна, – отвечают на том конце трубки, – не волнуйтесь, везде уже всё спокойно!

– Так не должно быть! – прямо кричит она в сердцах, – я депутат или кто? Такие вопросы решаются с населением. Надо было собрать людей, понимаете? Народ, который живёт на этой земле! Обсудить, услышать мнения, принять решение, исходя из...

– Наталья Владимировна! Идеологический отдел ведь подготовил...

– Вы почему *народ* игнорируете? Посидели, что-то там тайно решили и выдаёте: нате вам?! Вот и получите теперь то, что получили – массовое возмущение!

Годами позже в кулуарах заседания идеологической комиссии ЦК КПСС, в которой теперь состояла и Наталья Геллерт, к ней подошёл Генрих Гроут, который в 1989-м был избран председателем Все-союзного общественно-политического общества советских немцев «Возрождение» («Wiedergeburt»). Он попросил:

– У нас есть несколько вопросов к комиссии. Не могли бы вы озвучить их на заседании?

— Конечно. Давайте, что у вас есть?

— Мы подготовим.

Вопросы «Возрождения» к ЦК КПСС касались возвращения немцам СССР Поволжской автономии. Наталья Владимировна страница за страницей изучила документы «Возрождения» в своём гостиничном номере. От строчек с фактами произвола и издевательств в отношении советских немцев на её глазах выступали слёзы, а кулаки сжимались. «Ведь то же самое пережили мои мама и папа, — понимала она. — Вот в чём причина их молчания».

5 марта 1989 года Наталья Геллерт во всеуслышание зачитала документы Гроута с трибуны на заседании идеологической комиссии. В её смелой речи она пересказала требования советских немцев об окончательной реабилитации с восстановлением АССР НП.

19-21 сентября 1989 года состоялся пленум ЦК КПСС, полностью посвящённый национальной политике. Наталья Владимировна опять пламенно отстаивала интересы советских немцев с трибуны. Теперь она уже открыто осуждала депортацию и геноцид своего народа. Это стало для неё долгожданным моментом истины...

— Мы требовали, чтобы немецкую автономию восстановили там же, где она была до 1941 года, а ни в коем случае не в другом месте. По этим требованиям тогда не было принято положительного решения. Волгоградский секретарь там чего-то недовольно высказывал... Это было бы слишком смелым шагом для Михаила Горбачёва.

А вот к нему мы ещё вернёмся.

И вновь продолжается бой. Выпьем за Брежнева!

Наталья Владимировна Геллерт бодро въехала в восьмидесятые на тракторе и комбайне, и так же уверенно оставила десятилетие позади. Это время, вспоминает она, не было для неё никаким «застоем»: механизатор и трактористка каждое утро шла на работу, чтобы всё было по плану, по правилам и по совести. Была причастна к большой политике великой страны и гордилась своим крестьянским полномочным представительством в высшем органе власти, но привыкла анализировать успехи и достижения, равно как просчёты и неудачи, исключительно в разрезе своего совхоза. Никогда не разглагольствовала о пустом, о неизвестном и от неё не зависящем. Была в связке со своим звеном, бригадой, с ними радовалась и горевала.

Ведь если что-то и шло вразрез с её представлениями об идеальном хозяйстве, то это оттого, думала она, что мы мало любим родную землю, что есть ещё среди нас подхалимы, мздоимцы, нечестные люди. Наталья Владимировна беззаветно верила Родине, какой бы она ни была. Верила в мудрость власти. Знала и уважала, пожалуй, самого стильного и душевного советского генсека Леонида Брежнева...

Однажды, рассказывает она, в Алма-Ате шло торжественное собрание в честь 60-летия появления Казахстана на карте СССР [17]. После торжественной части, как бывает всегда, организовали приём. Можно было ходить с бокалами в руках и свободно общаться.

— И я смотрю – вспомнила она, – в толпе, окружённый такими же, как я, гостями, стоит Леонид Ильич. Я подошла к нему не совсем близко, но кто-то стоял сзади и посоветовал настойчивым шёпотом: «Да подойди ближе, что́ же ты». И я подошла, сразу представилась. У нас сам собой произошёл какой-то короткий разговор про хлеб. Короткий, потому что каждый из гостей хотел ему что-то сказать. Тогда у всех на устах была тема казахстанского миллиарда пудов [18] зерна – сможем собрать за сезон или нет. И мы с ним что-то накоротке обсудили, а потом даже подняли по рюмочке и выпили! Леонид Ильич показался мне добрым, разговорчивым. Вы знаете, он был обыкновенный человек, простой, но очень эрудированный. Он располагал к себе. Люди, с которыми я сегодня общаюсь, все положительно отзываются о нём и его эпохе. Действительно, при Брежневe в каждый большой юбилей снижали цены. Понятно, что это не главный показатель успешной внутренней политики, но цены-то сейчас не снижают, а наоборот! И Димаш Ахмедович Кунаев был таким же.

За двадцать один год на поле, если не считать первых месяцев притирки, Наталья Владимировна ни разу всерьёз не задумывала сбежать, изменить своему призванию. Когда мы с ней говорили об этом, я специально повторил вопрос – неужели никогда? И услышал твёрдое «Нет!».

— Если бы не развалился Союз, я бы, наверное, дальше продолжала пахать, пока только могла. Мне говорили – мол, в стране непорядок, не те методы, не такие принципы... Я по стране-то не знаю. Я судила только по своим полям. Мне надо было прежде, чтобы порядок был у меня, понимаете? Что я здесь, я отвечаю за это. Не вмешивайтесь, – часто повторяла я. А когда придёт конец, я дам ответ за всё.

ИСКУССТВО
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ

«Бронза», «серебро» и «золото» опыта

Что испытывает спортсмен, защищая честь своей страны на соревнованиях? Гордость, соревновательный дух, поддержку болельщиков, эмоциональный заряд... Всё так. Но надо всем этим довлеет стресс и волнение – нормальное, в общем, чувство ответственного и серьёзного человека.

Именно поэтому Наталья Геллерт сначала отказывалась участвовать в соревнованиях по пахоте, зная какая это огромная ответственность – представлять целую республику. Да и всю страну, потому что в первенстве участвовали иностранцы. Естественно, из стран СЭВ, Совета экономической взаимопомощи, стран-союзниц СССР.

Но у неё к тому моменту был огромный капитал – десятилетний практический опыт.

Соревнования трактористов по пахоте, как правило, включают в себя подготовку участка, саму пахоту, оценку качества вспашки по нескольким параметрам и дополнительные конкурсы или шоу. Участники соревнуются в мастерстве управления трактором и плугом, чтобы вспахать поле наиболее эффективно, быстро и качественно.

И вот, в мае 1975-го Наталье Геллерт впервые довелось «оправдать доверие» на международной встрече трактористов в Туле. Помимо советских, прибыли её коллеги из Монголии, Чехословакии, Польши.

Советская команда, в составе которой была представлявшая Казахстан Н. В. Геллерт, взяла командное «золото», а в индивидуальном зачёте наша героиня добилась серебряной медали. «Это было полезно и интересно», – вспоминает Наталья Владимировна.

За успешным тульским выступлением следует новое предложение – участие в международных соревнованиях по отвальной обработке почвы в Чехословакии в 1979 году. Снова командное «золото», но лишь личная бронза...

— Всё дело в неравных условиях. На севере Казахстана мы на огромных клетках пахали безотвальной способом по методу Бараява: это такая обработка, при которой пласт почвы не переворачивается, но рыхлится на определённую глубину и сохраняет естественную слоистость и структуру. Этот метод ещё известен как глубокое рыхление, или «No-till». Трактористы же из прибалтийских респу-

блик и стран Восточной Европы практиковали пахоту на небольших участках маленькими тракторами типа «Беларусь» отвальным методом, то есть плугом. Эта версия и была включена в условия международной встречи. Но моё третье место стало лишь новой мотивацией к изучению опыта полевых работ не только в СССР, но и в мире. Надо учиться, подумала я.

В селе Шортанды Актмолинской области тогда всю работу выполнял Университет первоцелинников, который возглавлял Герой Социалистического Труда Михаил Егорович Довжик. Здесь возникли первые научные проекты, которые дали старт формированию концепции почвозащитного адаптивно-ландшафтного земледелия. Здесь же повышали квалификацию, анализировали интересную практику работы механизаторов других регионов и обменивались опытом.

А кто не знает шортандинских сортов пшеницы? В этом же месте на небольших опытных полях усилиями учёных ВАСХНИЛ выводились новые сорта зерновых. Если опыты оказывались удачными, культуры высевались уже на больших площадях. Производилось районирование других сортов для условий севера Казахстана.

— Почему мы пахали безотвально, как учил академик Бараев? Представьте себе, что пшеницу убрали комбайнами. На поле от неё остаётся такая «щетина» — её называют стерня. Она, если пахать поле дальше рыхлителями, продолжает стоять. Правильно отрегулированный агрегат заглубляется в землю и снизу лапой режет слой на заданную глубину, сантиметров на 20-30. А стерня стоит себе и дальше, выполняя своё предназначение: тормозит ветер и не даёт выдуть основной плодородный слой почвы. В этом и состоит ценность безотвальной обработки на наших открытых всем ветрам полях. Моё звено работало в своё время на слабосильных засоленных землях, но с нашей безотвальной обработкой, как я уже говорила, мы неплохо смотрелись в сравнении с теми, кто сидел на почвах с высоким баллом бонитета.

Александра Ивановича Бараева критиковали за то, что, мол, он заставляет простаивать плодородную землю. Но как показал опыт, почве обязателен отдых, иначе она истощается. Можно распахать площади по максимуму и первые два года действительно получить большой вал. Но так поступают лишь временщики, потому что потом неминуемо последует катастрофа. И примеров тому, увы, множество, и даже в наши дни.

— Критиков не очень-то беспокоило состояние земли на перспек-

тиву, им важно было быстро вспахать, засеять и отрапортовать. А по серьёзной науке требовалось терпеливо ждать: осенью перепахать, зимой произвести снегозадержание, весной закрыть влагу – и только после сеять. Метод, испытанный нами на деле, ещё раз показал, что любая забота о земле оборачивается её благодарным ответом в виде увеличения урожайности. Весь мой опыт склонял к серьёзной науке, к приобретению новых теоретических знаний, к изучению почв, свойств растений, типов и характеристик удобрений... И так я дожидала до 1985 года.

Ветер перемен и окно в Европу

Впрочем, перед тем, как Наталья Геллерт решит стать студенткой Целиноградского сельскохозяйственного института, ей предстоит набраться другого не менее важного опыта.

В 1985-м в стране только что началась новая эпоха.

Во времена СССР фактическим главой государства являлся лидер (генеральный секретарь) коммунистической партии. Был, конечно, и номинальный глава – Председатель Президиума Верховного Совета. Часто он именовался «главой Советского государства» (а за границей и «президентом»), хотя формально коллегиальным главой считался весь Президиум. Но о нём в стране гораздо меньше знали – если, конечно, эта должность не совмещалась с постом генсека. Последние три руководителя КПСС (Леонид Брежнев, Юрий Андропов и Константин Черненко) эти должности совмещали, но назначенный в марте 1985 года Михаил Горбачёв был до октября 1988 года исключительно главой партии коммунистов.

Горбачёв резко отличался от своих предшественников. С его приходом к власти в Советском Союзе началась мощная трансформация, часто именуемая перестройкой. Он ворвался в политику, как весенний ветер – кстати, в марте это и началось. Ожидания улучшения экономики, борьбы с коррупцией и повышения жизненного уровня были очень высоки, люди надеялись на свежие реформы и публичные обсуждения. Горбачёв инициировал политику гласности, которая дала больше свободы слова и доступности информации. В публичном поле всплыли темы, которые раньше были табуированы – такие как сталинизм, репрессии и депортации народов.

Для многих это стало настоящим откровением. Все видели по телевизору, как он улыбается, обнимается с рабочими. Потом, когда

Горбачёв встретился с президентом США Рональдом Рейганом – и он, и американский президент были с супругами. Все смотрели и раскрывали рты: оказывается, у генсека может быть жена! Ничего себе. Мы думали, что у них, наверное, нет жён.

— У меня тогда не было никакого непонимания и неприязни к нему, – вспоминает Наталья Владимировна. – Я верила Михаилу Сергеевичу, как и все вокруг. Они же были какими-то небожителями для нас. Это так, но не хочется лезть в эту политику, конечно...

И вот однажды она в плановом порядке приезжает на сессию Верховного Совета в Москву. После заседания комиссии по охране материнства и детства, которой она руководила во время второй депутатской каденции, к ней подходит функционер среднего ранга:

— Наталья Владимировна, хочу напомнить вам, что вы в группе сопровождения.

— В какой... группе?

— Вам разве не сообщали? Должны же были. Ну ладно. В общем, вы летите в Германию в рамках визита генерального секретаря в составе рабочей группы.

— Да вы что! Надо же заранее предупреждать, у меня и одежда несоответствующая. У меня нет ничего с собой. Ничего! Я же пришла просто сделать свою работу здесь и уехать!

— Ничего страшного. Я провожу вас к товарищам, они помогут.

После маленького консилиума «товарищей» стало понятно, что Наталья Владимировна по фигуре – один в один как Ирина Николаевна, жена замминистра иностранных дел Анатолия Гавриловича Ковалёва. Он сам подъехал довольно скоро и забрал Наталью Владимировну прямо к себе домой. После краткого знакомства с его супругой та показала ей часть своего гардероба:

— Вот это новое всё. Наташ, посмотри: вот это наденешь, вот это, вот такие танкетки наденешь, и да – ещё вот это.

— Мама моя рёдная! – воскликнула Наталья Владимировна, – но мне ужасно неловко...

— Всё нормально.

Ещё заскочили к какому-то малоизвестному портному, который успел быстро сшить платье. Звали его, кажется, Зайцев. Да, точно – Слава Зайцев.

В тот визит в Западную Германию у Натальи Геллерт была замечательная компания – известная на весь Союз народная артистка СССР Алиса Фрейндлих и писатель из Ленинграда Даниил Гранин.

Даниил Александрович увидел в Наталье очень серьёзного и ответственного человека:

— Тебе бы настоятельницей в монастыре служить!

Все трое общались с германцами по-русски, при них специально был переводчик. Им предстояло выехать за десять дней до начала официального визита Горбачёва и встретиться с разными группами людей – как у нас говорили, «с коллективами».

— Что-то мы рассказывали им, какие-то вопросы и они нам задавали... Дальше, после приезда Горбачёва, мы уже двигались по его программе.

Один раз Наталья Владимировна очень удивилась поступком горбачёвских «личников», когда двое молодцов пришли на завтрак в отель и выложили прямо перед собой на стол своё оружие.

— Наталья Владимировна, вы не попросите официанта, чтобы он принёс нам сигареты?

— Сначала пушки свои уберите.

— Что?

— Пушки, говорю, спрячьте. Народ пугать пришли, что ли?

Те переглянулись, убрали пистолеты и стали ждать. Наталья Владимировна подозвала официанта на немецком и передала просьбу охранников.

«Странно как-то, – думала она потом, – я полагала, что если это личная охрана, то она хоть какой-то язык-то должна знать. Однако нет».

Впрочем, призналась Наталья Владимировна, её собственные знания языка требовали совершенствования из-за усвоенного от матери диалекта.

— Потому что в немецком очень много говоров. Ну а мы-то, дети, подхватывали, что дома мама говорила, повторяя за ней. Но потом я стала включать германское радио, смотреть местные телепрограммы, и постепенно на слух разложила всё по полочкам так, что начала понимать и говорить без труда. Если я сейчас пользуюсь немецким языком, то делаю это машинально. Когда я много позже приехала из Германии с консульской работы, я там вообще переключилась на немецкий язык. Я думала на немецком, а потом перекручивала и выдавала то ли на казахском, то ли на русском. Хотя я использую некоторые слова, конечно, мамыны. Иногда мне сын Арман – он потом учился на переводчика – говорит: «Мама, таких слов даже нет!». А я отвечаю: «Не знаю, мама так говорила – значит, они есть!»

В другой раз пришлось сопровождать супругу Горбачёва Раису Максимовну во время её турне по ФРГ, и снова с Алисой Фрейндлих.

Был приём у канцлера Гельмута Коля, где первая леди Советского Союза очень сомнительно пошутила. На Наталье Владимировне было зелёное платье. Раиса Максимовна была одета схоже, и решила как-то это обыграть:

— Наташа, — прямо вскрикнула она, — а мы с тобой в зелёном! Мы же «зелёных» поддерживаем?!

«Боже мой, — думает Геллерт, — народ же кругом, все смотрят».

— Да-да-да! — сымитировала шуточный тон Наталья Владимировна, пытаюсь попятиться куда-то в сторонку, чтобы не дискредитировать хотя бы уже себя. «В самом деле, жена советского лидера коммунистов, пусть и как бы с юмором, вдруг заявляет, что поддерживает какую-то аутсайдерскую партию, которая даже не входит в правящую коалицию в бундестаге. Да и надо ещё разобраться, кто такие эти «зелёные», а потом решить, стоит ли их о них вообще шутить», — рассуждала она.

В Дортмунде Геллерт вообще находилась под круглосуточной охраной местных коммунистов.

— В ходе программы пребывания я встречалась с ними. Знаете, как представители местной компартии меня охраняли? Боже мой! Никуда не пускали одну. Тогда в Дортмунде проходил какой-то знаковый футбольный матч, и они предупредили: «Frau Gellert, bitte verlassen Sie heute nicht Ihr Zimmer: auf den Straßen treiben sich Fußballfans herum».

И коммунисты действительно устроили вахту у её дверей. А она, выглянув в окно гостиничного номера, поняла, что предосторожности, вероятно, были не лишними: на улицах после матча валялся мусор, а фанаты разломали и разгромили всё, что было можно.

— Я много раз бывала на Западе, посетила несколько стран — просоветских, проамериканских... Наши восхищались ими. Хотя бы тем, какой у них везде порядок, да как всё организовано, да как трава подстрижена... А я спрашивала: почему вы верите в их добрые намерения? Вот они сейчас улыбаются и похлопывают по плечу. А вы уверены, что у них в голове то же, что на лице?

От сессии в Совете до сессии в вузе

С 1985 по 1990 годы Наталья Владимировна была студенткой факультета механизации Целиноградского сельхозинститута. Поступила не одна, а с мужем! Изучали, среди прочего, агрономию, растениеводство, машиностроение.

Из светил науки она тепло вспоминает Владимира Михайловича Гуревича, с которым студенты изучали детали машин и подъёмно-транспортные машины в частности; запомнились А. М. Треблер и В. М. Агеев, которые вели сопромат и марксистско-ленинскую философию соответственно.

— Я бесконечно благодарна этим преподавателям, которые учили не только своим предметам: они учили жизни.

Из Москвы Геллерт срочно приезжала на сессию в вузе, или отсюда так же мчалась на сессию Верховного Совета. Однажды прямо с самолёта «Москва – Целиноград» прибыла на экзамен по агрономии, всё бегом-бегом...

Вот она заходит в экзаменационный кабинет, едва переведя дух. Преподаватель посмотрела на неё:

— Я не приму у вас экзамен.

— Но почему? Я так торопилась...

— Именно поэтому и не приму. Я вижу, что вы сдадите максимум на «четвёрку». А это не ваша оценка. Ваша должна быть отличной. Придётся в следующий раз.

И действительно, пришлось сдавать агрономию с другой группой.

«Я сказала Горбачёву: у меня работа в поле!»

На одном из пленумов ЦК КПСС в 1989 году, а дело уже катилось к распаду СССР, предстояло избрать депутатов Верховного Совета нового созыва от коммунистов – других партий там и не было, а «демократов» и «либералов», расплывшихся на волне перестройки всего годом назад, в советский парламент ещё и близко не пускали.

Наталья Владимировна, тогда ещё действующий член ЦК, давно привыкла к коридорам Кремлёвского дворца съездов, на автомате проходя через пропускную систему, которая работала в несколько, скажем так, проходов. Современного AI-фейсконтроля не существовало, однако ротозеев здесь не привечали: для своих сотрудников и официальных лиц, таких как делегаты съездов, журналисты

и другие гости, предусматривались специальные служебные пропуска, которые выдавались заранее по заявке через партийные и государственные структуры. На входе дежурили милиционеры и спецслужбисты из КГБ. Да в общем, чему удивляться: обычная, принятая во всём мире система. Сейчас в районный акимат сложнее попасть, не говоря уже про какой-нибудь заштатный суд, там вообще металлоискатели и досмотровые интроскопы на каждом шагу.

И вот, Наталья Владимировна заходит, подаёт свою корочку для проверки, и вдруг замечает впереди очень знакомый силуэт. Знакомый тогда не только ей. Всей стране. Размеренная, несмотря на несколько избыточных килограммов, походка мужчины в метр семьдесят ростом. Никакой резкости в движениях. Узнаваемое достоинство и уверенность лидера. Блестящая лысина с характерной родинкой.

«Вижу, – говорит Наталья Владимировна, – как по той же линии, что и я, с другой стороны приближается генеральный секретарь партии Михаил Горбачёв. Я не хотела встречаться с ним лицом к лицу, и сейчас вы поймёте, почему. Сразу смекнула: надо перейти на другую линию. Забираю документы у дежурного: «Извините». Перешла и зашла внутрь».

Впрочем, избежать встречи не удалось – видать, этому суждено было случиться, пусть раньше, пусть позже. Михаил Сергеевич здоровается и сходу заявляет:

— Будем вас, Наталья Владимировна, снова избирать в Верховный Совет депутатом.

— Михаил Сергеевич, но... Ну почему всегда Геллерт? Ну что ж вы других не избираете? К чему на одного человека всё вешать? Ведь я и член ЦК, и Верховного Совета, и в республике на этих постах, и в районе, и...

— Потому что вы на своём месте, Наталья Владимировна, – обрывает её генсек. – На таких как вы, работа и держится.

— Михаил Сергеевич, ведь я же не могу всюду. Не успеваю! У меня главное-то место на поле. Ведь посевную и уборку отложить нельзя, землю не обманешь. А я привыкла везде заниматься реальным делом, а не просто что-то красиво представлять. Поймите меня.

Горбачёв чуть отстранился. Так обычно поступают, когда хочется возразить, но... Статус не тот, чтобы препираться с механизаторами. Уголки его бровей на миг сдвинулись, а подбородок капризно приподнялся.

— Хорошо, мы учтём ваше мнение, — сказал он со смесью раздражения и замешательства, уже разворачиваясь.

Было заметно: Горбачёву совсем не понравился разговор.

— Наташа, да ты что наделала-то, а? — укоряли Геллерт потом и знакомые, и секретари ЦК. — Не могла промолчать, что ли? Вот обязательно нужно было в лицо высказать это всё, да?

— Ну уж извините. Я ему правду сказала. То, что думала.

«Я потом несколько раз прокрутила в голове сцену нашей встречи, — вспоминала Наталья Владимировна. — Да, резковато. Но я поступила по совести. Даже сейчас, десятилетия спустя, я не жалею о том нечаянном, по сути, коридорном разговоре».

У кулуарной встречи было одно продолжение. В депутаты Наталью Геллерт, понятно, больше не избрали. И слава богу, говорит она. И вот, как бывало уже десятки раз, она возвращается к себе домой из стольной Москвы. Работа — дом — работа. Новости, газеты, журналы...

— Особенно, — рассказала Наталья Владимировна, — мы любили журнал «Сельский механизатор». Ведь про нас же и писали, и я туда нет-нет да попадала. Приходит очередной номер, и на тебе — я прямо на обложке! А внизу подпись: «Герой социалистического труда Н. В. Геллерт». Но у меня ведь не было золотой звезды! Боже мой, я прямо замучилась объяснять всем вокруг, что, вероятно, вышла редакционная ошибка: да, меня представляли к званию Героя, и документы в Москву уже ушли. Но «звёздочку» я так и не получила. Документы были отправлены, но потом дело как-то заглохло, а я и не стала выяснять подробностей — разве меня интересовали награды? Кто знает, может быть, тот разговор с Горбачёвым и послужил тому причиной. Повторю, я не жалею ни о чём. А их, депутатов Верховного Совета, в декабре 1991-го разогнали, развалили вместе с СССР. Но меня там не было уже. Я его не разваливала.

Destroyka

О тяжком похмелье казавшейся лучезарной горбачёвской перестройки — о развале хозяйственных связей — написано немало интересной аналитики. Мол, сначала экономическая ситуация в СССР и так была неудовлетворительной. Централизованное планирование, несмотря на успехи в индустриализации, раз за разом показывало неэффективность. Отсутствие конкуренции, жёсткая бюрократия,

низкое качество продукции и дефицит потребительских товаров...

Горбачёв начал с либерализации экономики. Попытка внедрения каких-то частичек рынка, типа кооперации и самофинансирования предприятий, оказалась преждевременной и хаотичной. Кооперативы, которые возникли в условиях слабого регулирования, часто становились лишь вотчиной для перепродажи и обогащения отдельных людей, а не средством повышения производительности. Но главным демоном, который позвал к нам экономический крах, стала политика «ускорения», которая должна была помочь в модернизации производства и повышении производительности. На деле она привела к резкому увеличению инвестиций в неэффективные отрасли.

Попытки реформирования сельского хозяйства, например, «Закон о госпредприятиях», который задумывали для большей самостоятельности колхозов и совхозов, оказались провальными. Без внятных механизмов регулирования и поддержки как призраки явились падение производства и рост долгов. Шутка ли, в 1990 году производство сократилось на 14,8% [19], в 1991 – на 22,7%. В агро-секторе ситуация была вообще аховая: в 1990 году – на 20,7%, а в 1991 – на 27,7%. Давайте сравним: годы Великой Отечественной тоже принесли колоссальные потери. Но несмотря на огромные разрушения и переориентацию всего и вся на военные нужды, падение было не таким глубоким и, что важно, временным. В 1941 году промышленное производство сократилось на 25,2%, в 1942 – на 25,8%. Но уже в 1943 году началось восстановление, а к 1945 году ВВП превысил довоенный уровень.

Перестройка оказалась страшнее войны. Конечно, заявят экономисты, у этого развала были причины, а у причин – предпосылки, а у предпосылок – закономерности развития. Но казалось, что из Советской Материи просто ушёл оживлявший её Дух.

«Что происходит с ценами на технику? – спрашивал у «дорогой редакции» читатель журнала «Сельский механизатор» в августе 1990-го. – Она стремительно дорожает. Одно только колесо трактора К-700 стоит почти столько же, сколько корова. А за весь трактор надо отдать урожай зерна с площади более 100 га...» [20]

Но это были цветочки. Дальше пришла политическая нестабильность, национализм... Республики отказывались выполнять экономические планы и платить налоги в общий бюджет – и прощай, Советский Союз.

Это мы сейчас хорошо усвоили и разложили по полочкам. Но На-

Наталья Владимировна не была бы собой, если бы стала тогда дотошно вдаваться в этот бюджет, логистику, стратегию и тактику, искать подоплёку... Она ведь даже Горбачёву заявила – не нужно делать меня политиком, моё место на поле!

— В 90-м году это началось. Всё начали делить по людям, каждый себе. Кому-то трактор, кому-то косилку. И в общем, тогда я обратилась и говорю: дайте мне совхоз, я вам покажу, как надо работать. Не надо его разваливать! У нас было начальство, вот оно и должно было решить, наладить, сохранить... Но не смогло. Если судить по нашему хозяйству, то оно просто само рассыпалось. Хотя я и была членом ЦК, при мне нигде ничего не обсуждали. Я сама была в шоке, когда это всё происходило. И люди не знали, куда им идти, как жить дальше.

Она не могла представить, как можно разделить слаженно работающее хозяйство, потому что это не укладывалось в пространстве её сознания. Ведь если по правде, мы всегда судим исключительно по себе: иной суд просто не имеет смысла, ибо в нём нет точки отсчёта.

И вот однажды к Наталье Владимировне прибыла целая делегация местных комсомольцев. Вперёд вышел тракторист Елюбай Тураров, пожалуй, самый равнодушный и упрямый из товарищей, да и внешне – коренастый, сбитый, кость широкая:

— Возьмите хозяйство, пропадём же все вот так.

— Вы же знаете, как я работаю. Я и себя замучаю, и вас замучаю. Вы будете так работать? Потому что по-другому не выживешь.

Они замолчали.

— Идите и подумайте.

Через неделю они вернулись, и тот же Елюбай тихо в пол вырвали:

— Мы согласны.

— Но только нам уже не дали, – вспоминает Геллерт. – Областное руководство мне намекнуло: ты нам не нужна в этом деле: «Не хватало ещё, чтобы баба нас вытаскивала». В общем, я в этом не участвовала. И всё. На этом всё закончилось.

В том же девяностом Наталья Владимировна оканчивает Целиноградский сельхозинститут. Её берут в свой бывший совхоз, или, точнее, в то, что от него осталось, инженером по технике безопасности. Но там она задержалась буквально на чуть-чуть. «Alles zu seiner Zeit», – вспомнила она мамины слова.

Дипломатически и дипломатично

Ещё в бытность депутатом Наталью Владимировну то и дело озадачивали:

— Почему не готовишься на дипломата? Ведь и высшее образование вот-вот получишь, и в разных странах бываешь. Надо расти!

Действительно, быть во всём профессионалом, преуспевать везде, «делать своё самое лучшее», как выражаются иностранцы – это было кредо нашей героини с тех самых пор, как она впервые села за трактор.

— Я действительно имела небольшой опыт, скажем так, в этих международных делах, я много стран посещала с делегациями. Но у меня тогда не было высшего образования, так что по правилам я не могла поступить в дипломатическую академию МИД СССР. И только когда я окончила сельхозинститут и получила диплом...

В этом же 1990-м происходит горестное событие: в январе в Кургальдажино умирает её отец Владимир Иванович. Образец, учитель, опора всей её жизни... На похороны собрался весь совхоз, всё районное руководство.

Большие потрясения всегда толкают людей к таким же мощным переменам в жизни. Наталья Владимировна решилась.

— Такая злость вскипела: что́, я уже совсем ничего не могу делать?

Летом того же года она едет в Москву, но не на сессию Верховного Совета. Сдавать экзамены в Дипломатическую академию МИД СССР. В Казахстане своей такой ещё не было.

— Этого никто за меня не решал. Я решила сама.

Конечно, она не открыла пинком дверь, сказав: «Здравствуйте, я ваша абитуриентка». В тех кругах вращалось множество людей, которых Наталья Владимировна знала и раньше, с которыми подерживала общение. Проконсультировалась с бывшими преподавателями своего сельхозинститута. На её решение сильно повлиял Владимир Гуревич, с которым Геллерты уже дружили семьями. И вот она берёт отпуск в своём хозяйстве. О том, куда именно она едет, знали только её мать и муж.

И вот экзамены позади. Результаты пока неизвестны. Зато повсюду заметно, что в тогдашней столице СССР творится, по сути, тот же бардак, что и везде. Сгоряча подумалось: так лучше уж тогда дома сидеть. «А что я здесь вообще забыла? На что надеюсь?»

Она засобиралась назад. Поделилась разочарованием с двумя зна-

комыми – той самой журналисткой Адой Борисовной Дихтярь и женой дипломата, учителем Валентиной Степановной.

— Да ты что? Ты что? Сюда не каждый поступает. А ты сейчас восвояси собралась? – спросила она.

— Ну и что я здесь делаю? Осточертело всё. А дома дети, дел куча.

— Наташа, подожди хоть немного! Остынь, потерпи. Ты же не такая, ты же умеешь добиваться своего! – заметила ей давняя подруга Ада.

Она уступила. А потерпеть, как выяснилось, действительно стоило. Буквально на следующий день с ней связалась представительница приёмной комиссии академии:

— Наталья Владимировна, экзамены-то вы сдали. Но ещё не прошли собеседование.

— Ну... ладно.

— Приезжайте прямо сейчас.

— Хорошо.

«Я была мыслями уже дома, – вспоминает она, – так что мне было всё равно. Ну схожу. Ничего же не потеряю».

— О, Наталья Владимировна, – встречает её председатель комиссии, – а мы вас ждали. Давайте, что ли, чайку попьём.

— Что ж, можно и чай, – равнодушно произнесла Геллерт.

Двое мужчин, видевших за соседним столиком, подсели к ним. Всем разлили чай, завели разговор о том, да о сём. Что-то общее, что Наталье Геллерт совсем не запомнилось. Так, о жизни...

— Спасибо за угощение, – встаёт она, – а когда же само собеседование начнётся?

— А вот оно и было, Наталья Владимировна. Мы его только что провели, – загадочно улыбается председатель.

— Но... как?

— Мы иногда так и делаем. Дипломатично, скажем так. Знаете, важно понимать, о чём человек думает на самом деле.

— Хорошо. Тогда я уже решила... назад домой. В общем, уезжаю. Спасибо за чай ещё раз.

— Нет-нет, что вы, Наталья Владимировна! Подождите, ещё ведь официального зачисления не было. Оно назначено на завтра.

— Хорошо, что завтра, а то я уже билет домой взяла.

На зачислении была любопытная сцена: председатель комиссии называет фамилию поступившего, а затем добавляет, МИД какой из республик распадающегося Союза взял его к себе, то есть распреде-

лила на работу: этот, допустим, имеет гарантию российского МИДа, этот – грузинского и т. д. Дипломат ведь, в отличие от повара или стоматолога, не может работать сам на себя. Он всегда на службе какой-то страны. И тут звучит:

— Геллерт Наталья Владимировна, Казахская ССР, Целиноградская область, село Оркендеу. Зачислена. Гарантии на работу нет.

Её не взял никто. Да, и родной Казахстан тоже.

Наталья Владимировна находит первого замминистра иностранных дел Союза Ковалёва:

— Анатолий Гаврилович! А если меня на работу не возьмут? Ну я же ничья оказалась...

— Не беспокойтесь. Если после обучения ваш МИД не отреагирует, приедете к нам, мы вас возьмём на работу.

Здесь иной, вероятно, ждал бы красивой фразы вроде: «Такое положение вещей Геллерт не устраивало, и она решила во что бы то ни стало добиться возможности служить своей республике». Если бы я практиковал красивую ложь за деньги, я бы так и написал. Но я уважаю историческую правду. И *на самом деле* Наталья Владимировна, откровенно недоумевая, почему из Казахстана не поступило заявки, решила так:

— Я успокоилась, думаю, чёрт с ними. Не возьмут – что ж, придётся тогда менять место жительства. А потом я вернулась, оказалась в Алма-Ате и зашла в МИД. Ну, говорю я, вот так и так, поступила в академию. Сотрудники в шоке были.

В то время главой казахстанского Foreign Office была Акмарал Хайдаровна Арыстанбекова. Наталья Владимировна добилась аудиенции и задала ей вопрос:

— В московской дипакадемии все поступившие получили распределение, и их обеспечат работой, а как быть мне? Я вам не нужна?

— Хорошо, я позвоню им и проконсультируюсь, чтобы узнать, как нам лучше сделать. Хотя ничего определённого не скажу. Кстати, Наташа, а ты где в Алма-Ате остановилась?

— У подруги

— Это где? Оставь телефон в приёмной.

— Хорошо, оставаю.

Наталья Владимировна остановилась у тогдашнего министра соцобеспечения и соцзащиты Кадыровой, а больше идти было не к кому. Они долго и хорошо общались. Зауре Жусуповна была землячкой Геллерт, и во всём поддерживала её. И вот Наталья Влади-

мировна возвращается к ней после разговора с министром и рассказывает всю историю своего поступления и прохладного внимания МИДа. Подруги проговорили по душам, наверное, весь вечер – да так, что Зауре Жусуповна даже расплакалась:

— Знаешь что? За жизнь надо сражаться. Ты что, думаешь, всё так тебе принесут, что ли? Не ходи к ним за этим направлением, пусть тебе доставят его домой, и пошлют копию в академию. Вот мой совет тебе. Наташа, ты талант. Тебя должны ценить!

«Kommt Zeit, kommt Rat», – снова всплыла в памяти мамина мудрость...

Вскоре Наталье Владимировне действительно звонит помощник министра из МИДа:

— Здравствуйте. Направление у вас есть. Вам необходимо забрать его.

— Мне это *не необходимо*. Сами пошлите в академию, а копию – мне.

— Э... ладно, раз так. Пошёл.

Дальше нашу героиню ждала учёба. Это был последний такой «интернациональный» набор перед распадом большой страны – в группе Натальи были россияне, казахстанцы, киргизы, туркмены... Стипендии были мизерные, а инфляция галопировала огромными прыжками.

— Трудности были серьёзные, – вспоминает её родственница Жамал Тажикенова, – но её муж, братья и сёстры, которые жили в совхозе и вели хозяйство, выращивали что-то на огороде – они все помогали, как могли. Почти каждую неделю они отправляли поездом продукты, на покупку которых в Москве у Натальи не хватало денег. Этим всем она по-братски делилась со своими друзьями по учёбе.

Студенты проходили и консульское дело, и международные отношения, и прочее, что пришлось потом кстати во многих жизненных ситуациях. Перед ними выступали послы.

Здесь Наталья Владимировна ограничилась скупыми фразами описания – я думаю, неспроста: что ж это будет, если о тонкостях дипломатии узнают все? Да и потом... в Москве же была ещё Военно-дипломатическая академия, с которой у ДА МИД СССР были особенные отношения. Там готовили, например, разведчиков под дипприкрытием («пиджаков»), офицеров агентурно-оперативной разведки, разведки оперативно-тактической, специалистов вообще

сверхсекретного «специального факультета»... Но к *этим* Наталья Владимировна отношения не имела.

Но всё равно, если вы встретите настоящего посольского работника – вспомните то «академическое чаепитие» и знайте: перед вами ответственный хранитель совершенно особенных знаний. Хотите их иметь? Поступайте в институт дипломатии РК. У нас в Казахстане теперь есть свой дипломатический вуз.

Тонкости этикета. Канцлер Враницкий ждёт Геллерт

Конечно, то, что мы видим в учебниках, слегка отличается от реальной практики. Вот, скажем, Наталья Владимировна изучала дипломатический протокол. Это обширная система правил, обычаев и процедур, регулирующих международные отношения. Можно перечислить всего лишь главные его разделы, чтобы понять, насколько он всеохватен:

- иерархия и приоритет;
- приветствия и представления;
- флаги и гербы;
- рассадка на приёмах и переговорах;
- подарки и обмен сувенирами;
- язык и коммуникация;
- транспорт и сопровождение;
- протокольные мероприятия и т. д.

Каждый раздел содержит по несколько больших пунктов, например, рассадка на приёмах будет включать принцип центральности, учёт статуса и гендерные нюансы.

Интересный и сложный аспект дипломатических встреч – это даже приём пищи. Устойчивые традиции и протоколы определяют, какие блюда могут подаваться на официальных мероприятиях, как должны выглядеть столы, и даже какое число людей может находиться за одним столом. Однако, несмотря на все эти правила, инциденты с едой не редкость.

Наталья Владимировна изучала, как держать и использовать обычные ложки, вилки и чашки, но даже и тут обнаруживались подвохи, которые пришлось узнать только на практике. Например, однажды она присутствовала на официальном приёме с канцлером Австрии Францем Враницким [21] в Вене.

— У нас был обед. Нас рассадили за стол. И сидят одни мужчины, из женщин только я и переводчица-австрийка. Через несколько минут замечаю, что никто не притронулся к еде. И как-то украдкой поглядывают на меня. Ну ладно, думаю, ждут какого-то официального начала, что ли. А я сидела-сидела, потом раз – мои руки на приборы упали. И здесь все присутствовавшие тоже похватили свои ложки-вилки! Оказывается, они ждали, когда я возьму в руки приборы. А я же не знала, что женщина должна начать есть первой! Откуда мне знать такое? Понимаете, я на ходу училась всему...

Именно в этих неожиданных ситуациях, постигала Геллерт, и проявляется истинное мастерство дипломата – умение сохранять достоинство и чувство юмора.

— И так вот. В академии уже всему учили. И где ложка, и где вилка... Наверное, больше было что-то политическое в обучении, но этикет это как... сопровождающее.

Heimat, deine Sterne, sie strahlen mir auch am fernen Ort...

Вышло так, что Наталья Геллерт стала слушательницей Дипломатической академии ещё при Союзе (сентябрь 1991-го), а к моменту окончания курсов (февраль 1994-го) учебное заведение уже относилось к Министерству иностранных дел Российской Федерации.

В сентябре того же 1994-го Н. В. Геллерт принимают на работу первым секретарём Управления кадров МИД Казахстана. На этом месте она пробудет до конца года.

Дальше дипломатическая служба отправит её на четыре года (1994–1998) в Германию вторым секретарём казахстанского посольства. Вместе с нею едет и муж Газидулла с детьми – по-иному на этой службе бывает редко, обычно в таких командировках находятся с семьями.

Именно в эти годы этнические немцы Казахстана массово переезжали на родину предков. Очень тяжёлый в плане работы период для всего казахстанского консульства в Бонне, если учесть, что было-то их три-четыре сотрудника. Бесконечные пересылки документов, запросы, какие-то рутинные формальности: день за днём, год за годом...

Рабочего дня никогда не хватало. Приходилось постоянно задерживаться допоздна, и местные власти, которые то и дело предъявляли нашим трудягам претензии («So viel zusätzliche Arbeit zu

übernehmen ist gegen die Vorschriften und Sie verbrauchen zu viel Strom!») однажды даже наложили штраф. Пришлось... затемнять окна и к вечеру плотно занавешиваться, чтобы свет не был замечен с улицы.

Ох уж эта пунктуальность и аккуратизм! Казалось бы, в этом Геллерты всем показывали пример у себя дома, а тут... В общем, в другой раз штраф выписали уже лично Газидулле: прирождённый инженер-механик взялся сам менять масло в двигателе на машине шурина Артура: зачем на СТО везти, когда мы тут сами на раз-два?! Рассказывает Арман, сын Натали Владимировны:

— Выехали, можно сказать, в поле. Взяли тазики, всё аккуратно поменяли, но что-то и пролилось на землю. Ума не приложу, кто и как заметил. Вероятно, по номеру машины. Уже когда вернулись домой, нас нашли полицейские, которые даже взяли образец грунта с места и выписали штраф за нарушение:

— Die Reparatur solcher Geräte sollte von zertifizierten Fachkräften an einem speziell dafür vorgesehenen Ort durchgeführt werden. Darüber hinaus schädigen Sie die Umwelt durch das Verschütten von Maschinenöl!

Роза Тлеубердиевна Саурамбаева, заслуженный работник дипломатической службы РК и кандидат исторических наук, несколько лет проработала с Натальей Владимировной в МИДе, и очень хорошо знала её именно по германскому периоду:

— Могу сразу сказать, что это человек высочайшей ответственности. Она душой болела за всё, что делает, а это ведь самое главное. На Наталью тогда была возложена тяжелейшая миссия, и вынести эту сумасшедшую нагрузку смогла только она. И притом потрясающая точность. Не буквоедство, а скрупулёзность по отношению к фактам и цифрам. Умение разговаривать – и всё в одном человеке! Говорят, что дипломатия – это разведка открытым способом. В каком смысле: уметь подходить к людям, выяснить обстоятельства, помочь при необходимости – это ведь и есть первейшее качество дипломата. В этом она такая же, как и все члены её семьи, и это заложено в них родителями.

Даже вдали от родины сотрудники неизменно отмечали национальные праздники, паче всего Наурыз. Всегда ждали визитов президента Нурсултана Назарбаева. Женщины сами шили себе национальные костюмы.

Однажды, дело было в 1996-м, в казахстанском посольстве в Бон-

не был организован приём. Прибыл Нурсултан Абишевич. Коллеги Натальи Владимировны прознали, что она знакома с ним ещё по депутатству в Верховном Совете СССР.

— Так что ж ты раньше не говорила? Попроси его сфотографироваться с нами!

— Вы что, люди, мне неудобно. Он же президент.

Но потом она всё же подошла к нему:

— Нурсултан Абишевич, женщины хотят с вами сфотографироваться.

— Здесь темновато, но... хорошо, давайте.

Все мигом облепили его так, что Наталье не хватило места, и она осталась в стороне. Но Назарбаев посмотрел на неё и сказал:

— Өзің қайда қалдың? Вставай рядом!

Дипломат идёт до конца

Из Германии Наталье Владимировне предстояло возвращение уже в новую столицу Казахстана Астану в качестве первого секретаря, советника Департамента консульской службы МИД РК (1998–2001). Следующее назначение последовало в том же году – с июля Геллерт отправилась в новую длительную командировку (2001–2005), на этот раз в Беларусь, и уже первым секретарём посольства Казахстана в этой стране.

— Я занималась оформлением самых разных документов нашим гражданам: оформляла на ПМЖ, ставила на консульский учёт – все вопросы жизни. Регистрировала рождения, брак. Даже произносила сакральную фразу: «Объявляю вас мужем и женой»...

Здесь же в 2004-м произошла история, которую Наталья Владимировна с иронией называет «казахстанской игрой в демократию». Работая консулом в Беларуси, Наталья Владимировна избиралась в Казахстане депутатом мажилиса от партии «Ауыл». Это было естественно, потому что сама Геллерт – селянка по происхождению, и «Ауыл» имел некоторые позиции в деревне. Жители, земляки, помня о депутатских заслугах Натальи Владимировны, упростили её баллотироваться. Она решила проконсультироваться со своим начальником, коим тогда был глава МИДа Касым-Жомарт Токаев. Последовал звонок:

— Касым-Жомарт Кемелевич! Меня люди просят, чтобы я, представляете, опять баллотировалась в депутаты. Как думаете, следует мне так поступить или нет?

— Хорошо. Возьмите отпуск и баллотируйтесь.

На определённом этапе стало очевидно – нужного для победы количества голосов ей не набрать. К Геллерт начали поступать звонки – сначала иносказательные, а затем уже без обиняков: снимите кандидатуру, вам всё равно не пройти. Звонили и влиятельные лица. Геллерт была непреклонна и отвечала таким «серым кардиналам»:

— Как вы себе это представляете? Я сейчас что-то обещаю и предлагаю людям, а потом скажу – ах, извините, я передумала?! Так не бывает. Хоть что со мной делайте – не сниму.

Звонившие перешли к угрозам, и Геллерт не выдержала, добившись встречи с Токаевым.

— Касым-Жомарт Кемелевич! Я всё равно не пройду, и я это знаю. Но ведь у нас же демократический строй. И я хочу дойти до конца во что бы то ни стало! Ведь если я сейчас сниму кандидатуру, как я объясню своё решение народу? Ведь эти люди в меня верят!

— Я поддерживаю вашу настойчивость и решительность. Это очень важные качества для дипломатического работника. Не сдавайтесь.

...Тогда Наталья Владимировна и вправду не дошла до конца предвыборного марафона: перипетии парламентской борьбы, как говорят, ещё слишком на слуху, чтобы обсуждать их сейчас детально. Но она сделала этот шаг, до конца оставаясь собою – твёрдой, уверенной, принципиальной. И кстати, по голосам была далеко не на последнем месте. В этом, считает она, заслуга избирателей Атбасарского округа – именно тех, кто когда-то «проложил ей путь» в Верховный Совет.

— Я очень уважаю Токаева, который дал мне тогда уверенности. Да и потому что Касым-Жомарт Кемелевич действительно Дипломат с большой буквы. В то же время в общении он был очень простым, вне зависимости от того, с кем он говорит. Работая в МИДе, он смотрел не на ранги, а на качества сотрудника. Кто бы к нему ни обращался, он всегда принимал и внимательно выслушивал.

В 2005-2012 годах Наталья Владимировна служила начальником отдела контроля в МИДе, после чего была всё же избрана депутатом казахстанского парламента – впрочем, это следующая история...

Но даже сегодня Наталья Владимировна не утратила связь с дипломатической работой, возглавляя рабочую группу общественного совета по контролю над работой МИДа. Кроме того, в том же 2012-м МИД пригласил её на должность директора музея министерства, который она возглавляла до 2017-го.

Мажилис: освобождена для служения стране

С 2007 по 2011 годы Наталья Владимировна была депутатом мажилиса Парламента Республики Казахстан IV созыва, членом комитета по международным делам и обороне.

— Когда я баллотировалась от «Ауыла», я была на консульской работе в Беларуси. Но вот я вернулась, стала работать в аппарате МИДа. Практика сложилась такая, что все госслужащие принадлежали к партии «Нур Отан», и я сменила свою партийную принадлежность. Мне сразу поступило предложение вновь стать депутатом, но теперь уже Парламента независимого Казахстана – и баллотироваться по партийному списку. Я с радостью приняла предложение послужить своей стране.

Наталья Владимировна отмечает, что смогла полностью погрузиться в эту деятельность, потому что депутатство стало здесь для неё по-настоящему работой, полной реализацией её желания служить стране, исполнять долг перед народом и быть настолько полезной, насколько хватало её сил.

— Мы, депутаты мажилиса, были освобождёнными, то есть я могла всё своё время посвящать встречам с избирателями, личному приёму граждан, поездкам в регионы, ознакомлением с тревожными и требующими вмешательства ситуациями на местах. В то время как при Союзе это была такая, что ли, почётная нагрузка при работе на основном месте.

Наталья Владимировна рассказывает, что это «профессиональная парламентская работа» требовала от неё постоянного совершенствования знаний и навыков политической деятельности, но и давала удовлетворение, когда с её участием мог решиться вопрос государственной важности.

Здесь её ожидали встречи, например, с американскими коллегами из Конгресса США во время поездки в составе парламентской делегации Казахстана.

— Мне было приятно слышать, как позитивно воспринимался за океаном наш опыт мирного труда представителей более чем сотни национальностей, которые живут на моей земле в дружбе и согласии. Это всё не для красного словца я говорю. Я поняла и приняла силу интернационального воспитания с самых первых лет, и всем примером моей жизни могу доказать, что самое глупое разделение – это разделение по нациям, по цвету кожи, по обычаям и верованиям.

В Нью-Йорке Наталья Владимировна посетила и штаб-квартиру ООН, с группой коллег из мажилиса участвовала в заседании комитетов по международным связям Европарламента в Брюсселе. А обсуждали в тот раз, между прочим, права человека на постсоветском пространстве, в том числе и в Казахстане.

— Вот в нашей семье, например, уважали права каждого. Никогда никого и ни к чему не принуждали. Каждый выбирал себе мужа, жену, работу и место проживания сам. И никто не жаловался родителям, ведь решение принимал сам. В своё время мои братья и сёстры, например, приняли самостоятельное решение переехать в Германию. Когда они собрались уезжать, я была не против, но я бы так не поступила...

«Слушай, Геллерт! Иди работай!»

— Но я приняла их выбор, — продолжает Наталья Владимировна. — Мы с Лидой остались в Казахстане, остальные все со временем уехали, и мама тоже. Тогда везде поток наших немцев увеличился, и они уезжали все, как было принято говорить, на «историческую родину». Но это не их родина, это родина предков. Вот мне сейчас говорят: а вы не хотите на историческую родину? Знаете, моя историческая родина — это Казахстан. Я родилась здесь. А историческая родина моих прапрадедов — это Германия. Они когда-то приехали оттуда во времена Екатерины. Поэтому Германия не может быть моей исторической родиной, а вот моих предков — да. Тем не менее, когда мои братья-сёстры засобирались, я была вынуждена оповестить своё дипломатическое начальство. Я думала, что меня наверняка уволят...

В один из дней — дело было ещё в 1999 году, когда Наталья Владимировна работала в консульстве — она решила, что молчать об этом стало бы просто некрасиво. Она пишет докладную на имя директора Департамента консульской службы Валихана Конурбаева. Это был грамотный, взвешенный руководитель. Он вызывает её.

— Вот так, Валихан Сиянбекович, — вздыхая, закончила она историю об отъезде своих родных, — что мне теперь делать? Готова ко всему. Мне написать заявление? Рассчитываться?

В этот момент она откровенно не смогла сдержать эмоций. Платочек, который был сжат в руке, уже был мокрым от слёз.

Валихан Конурбаев был человеком дела. Он не смотрел в потолок,

не размышляла и даже не расхаживал по кабинету перед тем, как принять решение:

— Слушай, Геллерт! Иди работай! Вопрос закрыт.

Одиннадцать маленьких историй

...Помните, в самом начале мы перечислили всех их, одиннадцать братьев-сестёр, детей Марты Людвиговны и Владимира Ивановича Геллертов? У каждого из них действительно был свой путь, хотя и держались они по-прежнему – одной семьёй, одним кулаком, пусть и не рядом, но никогда не забывали друг друга и всегда приходили на помощь, если обстоятельства того требовали.

Рассказывать про каждого из них – значит писать многотомник. Но можно перечислить – в том же порядке:

Лидия – вместе с Натальей Владимировной предпочла быть верной земле, на которой родилась. Все остальные раньше или позже оказались в Германии. Лидия работала в суде и в правоохранительных органах. Дети Рената и Бауыржан.

Эдуард – окончил Целиноградский сельхозинститут, инженер-механик. Пятеро детей.

Роберт – работал на тракторе и на комбайне, в Германии стал мастером по дереву на мебельной фабрике. Четверо детей.

Роза – окончила Карагандинский юридический, работала в Кургаджино нотариусом. Двое детей.

Анна – окончила Косшинский сельскохозяйственный техникум, агроном. Дети Ася, Сапар и Мария.

Ольга – окончила Косшинский сельскохозяйственный техникум, бухгалтер. Дети Зарина, Алия и Индира.

Артур – окончил Косшинский сельскохозяйственный техникум, механик, работал механизатором. Трое детей.

Елена – окончила экономфак Целиноградского сельхозинститута, экономист. Двое детей.

Владимир – окончил Целиноградский сельхозинститут, инженер-электрик. Двое детей.

Маргарита – окончила Целиноградское училище связи, юрист. Трое детей.

Марта Людвиговна, которая вместе с отцом подняла их всех, умерла в 2017 году в германском Хаттингене (что возле Бохума, земля Северный Рейн-Вестфалия), где жила у дочери Елены.

* * *

У Натальи Владимировны, как помним, дочь Жанаргуль (1977) и сын Арман (1981).

Жанаргуль поступила в Евразийский национальный университет имени Гумилёва, окончила вуз переводчиком – немецкий и казахский. Сначала устроилась секретарём в казахстанском МИДе, окончила Академию государственного управления при президенте РК и институт дипломатии, получила степень магистра международных отношений, а потом пошла по стопам матери, став дипломатом, причём решение приняла самостоятельно. Сейчас (2025) служит в Стамбуле.

У Жанаргуль муж Нуржан, дети Расул, Камила и Рауан.

Арман также поступил в Гумилёвский университет, окончил факультет иностранных языков переводчиком (немецкий). Частный предприниматель. У него жена Мира, дети Карима, Тайыр и Алиар.

— Сейчас я работаю бабушкой, – шутит Наталья Владимировна, – и в нашей большой семье своим внукам я каждый раз стараюсь рассказать обо всех культурных ценностях, которые поддерживали ещё мои родители, обо всех Ostern и Weihnachten они знают: «О, бабушка, мы тебя поздравляем!» И с другой стороны, я сохраняю все культурные ценности мужа. И они ориентируются и в той, и в другой культуре, и у нас никогда нет разногласий в чём-то там. Это всё нормально, по-казахстански!

— Через долгие годы Наталья Владимировна и её муж Газидулла пронесли поистине романтические отношения, – рассказывает Жамал Шаяхметовна Тажикенова, сватья Натальи, – он всегда был и остаётся в заботах о ней, и всё делает для её комфорта и благополучия. Ой, я могу много о Наталье Владимировне рассказать!

Рассказ сватьи Жамал

— Когда моя дочь Мира познакомилась с парнем, маму которого зовут Наталья Геллерт, я просто не поверила: неужели это та самая легендарная трактористка? Это случилось в 2004 году, когда я тоже достигла успехов в карьере – я простой врач-лечебник. И всё же мне не приходилось общаться с депутатами Верховного Совета СССР! Даже немного стало страшно, когда дочь попросила встретиться,

чтобы предварительно обсудить свадебные мероприятия, так как Арман, сын Натали и Газидуллы, сделал ей предложение.

Встреча состоялась в Алматы, где мы одновременно оказались по своим делам. Наталя Владимировна пришла ровно в назначенное время, и я впервые увидела женщину, о которой знала только из газет, радио, и телевизора... Я была настолько растеряна и совершенно не помню, как мы обсуждали отношения наших детей. Конечно, выглядела она идеально: высокая, стройная, в элегантной куртке с брючным костюмом. В общем, деловая женщина, но всё очень приветливо и просто, тактично и с большим уважением. Она сразу расположила к себе.

И вот уже больше двадцати лет мы общаемся по-родственному благодаря нашим детям. И теперь ещё три общих внука – Карима, Тайыр и Алидар – объединяют наши семьи. За эти годы между нами сложились прекрасные отношения, и я многое узнала о непростой работе в поле, о том, сколько трудностей приходилось испытывать Наталье, и как ей помогал супруг и её братья.

Наталя Владимировна ещё и отличная хозяйка: знали бы вы, как она готовит национальные казахские и немецкие блюда, такие пироги выпекает – пальчики оближешь! Вообще любое дело, за которое берётся Наталя Владимировна, она доводит до идеала, даже если приходится несколько раз переделывать и затратить больше времени: для неё главное результат!

Уже после рождения внучки Каримы она окончила специальные курсы по швейному делу, которое стало её хобби. Да-да, Наталя Владимировна может сшить и самое сложное пальто, а может – обычную детскую игрушку. И так профессионально – от магазинных изделий не отличишь.

А сколько внимания она уделяет своим внукам! Все они очень любят свою бабушку, которая и пироги, и баурсаки испечёт, и куклам наряды сделает, и костюмы новогодние сошьёт как раз такие, о которых они мечтают.

Её скромность поражает любого. Несмотря на то, что она занимала столько высоких должностей, она всегда была доступна для обращений простых людей, старалась каждому помочь по мере возможности. Никогда не проявляет высокомерия, горделивости – и сейчас она настоящий «слуга народа».

А ещё она прекрасно знает все казахские народные традиции, при этом не забывает и свои немецкие, и учит детей и внуков, как

правильно все эти тонкости соблюдать. Среди родственников мужа она настоящая казахская келін: всегда гостеприимно встречает, каждого напоит чаем и одарит подарками.

Конечно, без поддержки и доверия супруга Газидуллы она бы не состоялась как дипломат: он взял на себя все семейные обязанности, в том числе и воспитание детей на весь период её обучения в академии, постоянно был рядом, когда Наталью направили на дипломатическую работу в Германию, а потом в Беларусь. Он и сейчас заботливый муж и самый лучший аташка для внуков, которые даже не знают, что такое детский сад, ведь дошкольным воспитанием занимается в основном дедушка.

Сейчас мы с ней полноценные пенсионеры, сами распоряжаемся своим временем, часто вместе отмечаем семейные праздники, юбилеи, участвуем и в жизни наших внуков. Я рада, что судьба послала мне такую сватью!

2025 г., 9 августа. Со сватьёй Жамал

ПЕРЕД ТЕМ,
КАК ВСЁ ЗАКОНЧИТСЯ

Будущее творят люди, которые ставят цели. И не просто цели, а с вызовом себе. Именно так жила и живёт Наталья Владимировна Геллерт: «Я сделаю, я смогу, я должна!» И долг – будь то верность своему обещанию или ожиданиям окружающих – превыше всего на свете:

— Я всегда ставила себе какую-то цель. И ты идёшь к этой цели, не сворачивая. Потому что по-другому нельзя: вот ты разбросался на мелочи, и у тебя ничего не останется. Определи сначала, чего ты хочешь добиться, и нацель на это всего себя – это и про профессию, и про жизнь.

Этот принцип Наталья Владимировна Геллерт усвоила, наверное, с самых первых детских лет, когда семья жила нищенской жизнью в доме с земляным полом и протекающей при каждом дожде крыше. Когда выгадывали на всём, когда дети Геллертов летом ходили босиком просто потому, что не было обуви... Когда она каждый день совершала путь в несколько километров, чтобы купить и принести хлеба для всей семьи, когда училась сначала ради пятнадцати рублей стипендии, а потом ради надежды на ждавшее её призвание. И ведь немецкое Beruf – не случайно от слова rufen, «звать»: её профессия *позвала* её.

Она была плотью от плоти своего народа не только по происхождению, но и по доле страданий, которые выпали её соплеменникам: появиться на свет при подневольном казарменном положении родителей, которые три первые года её жизни каждый месяц «предъявляли» малышку в комендатуре: вот она, никуда не делась. И даже имея такой старт, Наталья Геллерт смогла доказать, что достойна самых высоких постов и самых почётных наград – никогда за этими наградами и постами не гоняясь.

Она прекрасно говорит по-немецки и помнит традиции своего народа, хотя связала свою жизнь с казахской языковой и культурной средой. «В этом сила и красота казахстанского мироощущения, – считает она, – его жизнеспособность, его универсальность и залог его достойного места в грядущем».

В конце этого повествования я решил предоставить слово нашей героине. Такая вот трибуна, только уже вне места и вне времени: Наталья Владимировна Геллерт попросила считать это своим посланием и завещанием – тем, кто придёт после нас.

Дорогие друзья, соотечественники!

Если бы у меня была сейчас возможность вернуться в какой-то отрезок времени назад и что-то изменить, я бы снова стала работать на поле.

Часто, когда я разговаривала по душам с иностранцами, они спрашивали: как вы умудряетесь жить так бедно на такой земле? Я до сих пор повторяю их вопрос: как?

Я всегда думаю: ладно, мы свою жизнь прожили, а вот как наши внуки будут жить? Да, они будут жить в другом мире, но кушать-то они все будут. Причём то же самое, что ели мы.

Бог нам дал солнце, воду, поля, травы. Чего нам не хватает?

Самое дорогое, что у нас есть – это земля. Но мы иногда так относимся к ней, что просто нет слов. У нас действительно огромная территория. Мы не умеем её использовать или не хотим?

Почему мало кто вообще желает «руки марать» работой с землёй?

Почему при Кунаеве мы имели миллион овец, а сейчас что? Стада нету. Если бы мы на своей земле даже хотя бы овец разводили, мы бы за золото продавали их в Эмираты, они бы самолётами забирала, потому что у нас овцы пасутся, а у них они стойловые.

Почему человеку негде корову пасти? Почему у нас сейчас говядина такая дорогая? Знаете, иногда до абсурда же стóдит: село покупает молоко в городе. Это как называется? А не стыдно кому-то?

Я всегда говорила – ну хорошо, за границей красиво. У них всё, например, пострижено. Что, мы не можем эти цветы посадить? Постричь газон?

Это ваша родина. Там, где ты родился – это самое хорошее место. Другого места для тебя в мире нет. Тебя Бог определил здесь. И неважно, какой ты национальности. Ты здесь родился, ты здесь должен создавать условия себе и всем, кто рядом.

Никто не придёт, и ничего тебе не создаст, только ты сам.

Не надо было разваливать то, что наши отцы строили. И мы бы далеко уже ушли, как сейчас китайцы. Ладно, что было – то было, но мы ведь и через тридцать лет Независимости, кажется, не пришли в себя: куда мы идём, зачем мы идём, что мы делаем?

И через тридцать лет школ не хватает, детских садов не хватает... Сейчас у нас, вы посмотрите, простых кадров нет. Почему мы перестали их обучать? Может, наши школы должны немножко переориентироваться и давать молодёжи больше профессий? Тем

более школа, скорее всего, наперёд будет знать, какие профессии вообще в будущем уйдут, а какие новые возникнут. Министерство образования насчёт этого должно работать, чтобы предоставить детям больше возможности выбрать. А молодёжи я бы посоветовала не убивать время на игры и бессмысленное общение в смартфонах. Цель должна быть!

Я всю жизнь училась.

Стремитесь к новым полезным знаниям и вы.

Поскольку природа нас, мужчин и женщин, разделила, у нас у каждого есть свои обязанности. Женщина должна рожать детей, готовить. От этого никуда не денешься. Мужчины должны заниматься своим.

Но, знаете, я бы не делила профессии на мужские и женские. Профессии бывают разные. Кто-то может справляться с мужской работой. Есть же машинисты электровозов женщины, а что-то, наоборот, мужчины могут очень хорошо делать – быть поваром, например. Просто надо выбрать себе дело, которое ты любишь, к которому есть склонность. И если ты будешь это дело любить, то ты всё одолеешь.

Знаете, я люблю свою землю. Я довольна жизнью. Я считаю себя счастливым человеком, хотя не остаюсь равнодушной, когда что-то вокруг меня идёт не так, как хотелось бы. Мне, например, кажется, что в нашей стране часто практикуется неправильный подбор кадров по родственному принципу. Зачем сажать на ответственные места тех, которые не разбираются в вопросе? Особенно часто это бывает в сельском хозяйстве. Очень много кабинетных людей. А ты поди, поработай сначала на поле, посиди на тракторе, а потом и указывай другим, как с этим управляться!

Или вот обучают молодёжь за рубежом. А они возвращаются и пытаются кем-то себя проявить, даже не зная, что и как в этом мире устроено. Пусть у него там были одни пятёрки, так он жизни настоящей не понимает! Поэтому я и говорю постоянно, что со школы нужно начинать – и полы мыть, и любой труд знать.

Я всё объездила, я пожила, я поработала за рубежом. И каждый раз я возвращаюсь к тому, что у нас самый лучший народ. Быть может, это действие Целины. Для многих, кто приезжает к нам, удивительно, как у нас работают те же Дома дружбы, Ассамблея народа Казахстана. Сейчас в нашей стране сформировался особый народ, он воспитан по-другому. И это очень ценно. Мы должны хранить

это, как самое дорогое сокровище. Любить свою страну, и не только желать ей процветания, но и умножать его своим трудом.

Я всю жизнь стремилась этого добиться.

И я патриот своей родины. Где я родилась, туда я и уйду.

Я буду здесь до конца.

Ваша – Н. В. Геллерт

2017 г. Верхний ряд, справа налево: Арман и Тайыр, Рауан и Жанаргуль. Средний ряд: Наталья Владимировна и Газидулла. Нижний ряд: Камила, Расул и Карима. Фото из архива семьи Бекешевых

ИЗ НАГРАД Н. В. ГЕЛЛЕРТ

Ордена и медали:

- Медаль «За трудовую доблесть» (1971.04.08)
- Орден Трудового красного знамени (1975.02.14)
- Орден Ленина (1976.12.24)
- Орден Дружбы народов (1981.02.19)
- Медаль «50 лет Целине» (2004.01.30)
- Медаль «10 лет Конституции Республики Казахстан» (2005)
- Медаль «10 лет Астане» (2008)
- Орден «Достық» II степени (2010.12.07)
- Медаль «20 лет Независимости Республики Казахстан» (2011.11.10)
- Медаль «20 лет Ассамблее народа Казахстана» (2015)
- Медаль «Ветеран труда» (2016.06.23)
- Медаль «25 лет Независимости Республики Казахстан» (2016.11.29)
- Медаль имени Назира Торекулова (2017.12.04)

Звания:

- Победитель социалистического соревнования 1973 года (1974.04.03)
- Отличник социалистического сельского хозяйства (1975.03.05)
- Ударник девятой пятилетки (1975.04.30)
- Комбайнёр-тысячник (1976)
- Лауреат Премии Ленинского комсомола Казахстана (1976.02.16)
- Победитель социалистического соревнования 1978 года (1979.03.30)
- Дипломатический ранг – советник II класса (2003.03.20)
- Дипломатический ранг – советник I класса (2006.12.14)
- Почётный дипломат (2021.06.24)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Дитц, Я. Е.* История поволжских немцев-колонистов. – 3-е изд. — М. : Готика, 2000. — 496 с. С. 37.

2. Там же. С. 41.

3. *Геллерт, Н. В., Саурамбаева, Р. Т.* Поле пахнет хлебом. Астана, 2003 — 126 с. С. 12.

4. *Ауман, В. А., Чеботарёва, В. Г.* История российских немцев в документах (1763–1992). Ч. 1. Междунар. ин-т гуманитар. пробл. (МИГУП) — М.: МИГУП, 1993. — 447 с. С. 175.

5. В СССР так называли среднее профессионально-техническое училище. Это тип учебного заведения, который был предназначен для подготовки рабочих кадров и специалистов среднего звена. В СПТУ принимали молодёжь, окончившую 8-летнюю школу, и обучение длилось 1-2 года. В настоящее время функции СПТУ выполняют профессиональные училища и колледжи.

6. Примерно до середины 1960-х на селяках ставили сзади людей для контроля высева, заправки семенами и перегруппировки при повороте на новый гон.

7. <https://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data03/teh15203.htm>

8. А. И. Бараев был выдающимся советским агрономом, доктором сельскохозяйственных наук и академиком ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина). Он известен как основоположник почвозащитной системы земледелия.

9. КПП – название для культиватора-плоскореза-глубококорыхлителя. Он предназначен для основной обработки паров, осенней обработки почвы с максимальным сохранением стерни и других пожнивных остатков на поверхности поля после колосовых и пропашных предшественников. КПП-2-150 даёт глубину обработки до 30 см.

10. Широкозахватный культиватор-плоскорез с шириной захвата 9 м. Даёт глубину до 18 см максимум.

11. *Дихтярь, А. Б.* От весны до весны. — М. : Политиздат, 1989. — 224 с. : ил.

12. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Голод_в_Казахстане_\(1932-1933\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Голод_в_Казахстане_(1932-1933))

13. <https://www.nur.kz/incident/emergency/1688240-kazakhstan-priznan-samym-postradavshi/>

14. Геллерт, Н. В., Саурамбаева, Р. Т. Поле пахнет хлебом. Астана, 2003. — 126 с. С. 45.

15. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Толстой. — Москва : Типография Т. Рис, 1878. — 884 с. Часть V. Глава XXVII. С. 570.

16. Ермек Балтабаевич Бижкенов был в должности секретаря райкома партии в Кургальджино.

17. Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика (Казахская АССР) была образована 26 августа 1920 года как Автономная Киргизская Социалистическая Советская Республика в составе РСФСР. 15 июня 1925 года она была переименована в Казакскую АССР, а 5 декабря 1936 года преобразована в союзную Казахскую республику – КССР.

18. Советский Союз официально придерживался метрической системы, а тонна была стандартно закреплённой единицей измерения массы. Но на сельских полях и в пунктах приёма зерна царил свой, неожиданный порядок. Сданное государству зерно отсчитывалось в пудах – старинной дореволюционной единице. Пуд примерно равен 16 килограммам. Эта, казалось бы, абсурдная ситуация была обусловлена сложным переплетением исторических, экономических и даже психологических факторов. Главное объяснение кроется в инерции традиций: пуд слыл для селян испытанной, надёжной мерой веса, причём веса главного продукта – хлеба.

19. Здесь и дальше – официальная статистика Госплана СССР и Росстата РФ.

20. Калашников, И. «Нам не по карману» // Сельский механизатор, 1990, № 8. С. 1.

21. Франц Враницкий (Vranitzky), канцлер Австрийской Республики в 1986–1997 гг. Любопытно, что он так же, как и Наталья Геллерт, награждён казахстанским орденом «Достык».

Игорь Николаевич НИДЕРЕР, казахстанский исследователь и популяризатор культуры этнических немцев. Журналист с непрерывным стажем в профессии с 1999 г. Член Союза журналистов Казахстана, отличник информационной работы Республики Казахстан, член Попечительского совета общественного фонда «Казахстанское объединение немцев «Возрождение» (2021–2025), волонтер проектов фонда, участник этнографических экспедиций. Член редколлегии международного информационно-методического журнала Viz-Vote Института этнокультурного образования (Москва), член Синода Евангелическо-Лютеранской церкви в Республике Казахстан (ЕЛЦРК) и информационной комиссии Синода.

Публицист, автор и литературный редактор нескольких книг, тысяч видеосюжетов и публикаций в трёх десятках казахстанских и зарубежных масс-медиа, в т. ч. по теме немецкого этноса Казахстана – с 1997 г. Автор литературных переводов с английского, немецкого и латинского языков.

Имеет семь лауреатских званий, медали. Среди прочих – медаль «25 лет немецкой организации Костанайской области».

Отмечен двумя благодарностями президента Республики Казахстан, благодарственными письмами Ассамблеи народа Казахстана, министра внутренних дел, агентства по госслужбе, министерства культуры, информации и спорта, председателя комитета таможенного контроля, председателя правления национальной компании «Астана ЭКСПО-2017».

СОДЕРЖАНИЕ

Депутат от сохи, дипломат от бога	3
---	---

Глава 1. Годики и годы

Зловещий Eglass	7
Владимир и Марта: общая судьба на новом месте	11
Қорғалжын – Өркендеу	14
Дермень, кетмень и трое детей	16
Охота и работа	18
Alle Jahr' ein Kind	19
Sprache, тіл и язык	20
За общим столом	22
Уроки школьного труда	23

Глава 2. Выезд в люди

Wo kannst du nur hin, meine Tochter?	26
Ну хотя бы попробовать дайте!	27
Пятнадцать советских рублей	28
Никому не говори, иначе меня уволят!	29
Как не задавить дядю Васю	30
Камшат Доненбаева	31
Последнее искушение Натальи	32
«А ты не испугаешься?»	34
Планетарный механизм поворота	35
Солидол для смазки борон	36
«Я сделаю. Я должна!»	37
С полным правом	38
Соль земли и суть дела	40
Звеньевая Наталья Геллерт	41
Как найти общий язык с сайгаками. Логика птиц	42
«По широкому пройдуся полю»	44

Глава 3. Депутат от трактористов

«Работаешь? Делай это хорошо!»	47
Поле ответственности	50
В политической обойме	52
В КПСС в двадцать лет. В чём сила, товарищ?	54
«Кировец»: большой, мощный. Твой	56
Убрать то, что посеяли весной	58
Два с половиной миллиона булок и привет из космоса	59
Газидулла. История четырёх поколений	61
Как имам Жармаганбет убедил коммуниста Владимира	62
Из-за свадебного стола – на слёт передовиков	75
Жанаргуль и Арман	77
На тракторе до Луны и дальше по экватору	79
Депутат Верховного Совета СССР	80
Десять лет наездами в Кремле	81
Сожрите зерно!	84
Немецкая автономия?	86
И вновь продолжается бой. Выпьем за Брежнева!	88

Глава 4. Искусство стратегического доверия

«Бронза», «серебро» и «золото» опыта	91
Ветер перемен и окно в Европу	93
От сессии в Совете до сессии в вузе	97
«Я сказала Горбачёву: у меня работа в поле!»	97
Destroyka	99
Дипломатически и дипломатично	102
Тонкости этикета. Канцлер Враницкий ждёт Геллерт	106
Heimat, deine Sterne, sie strahlen mir auch am fernen Ort... ..	107
Дипломат идёт до конца	109
Мажилис: освобождена для служения стране	111
«Слушай, Геллерт! Иди работай!»	112
Одиннадцать маленьких историй	113
Рассказ свадьбы Жамал	114
Перед тем, как всё закончится	118
Из наград Н. В. Геллерт	122
Примечания	123
Об авторе книги	125

Игорь Николаевич Нидерер
НАТАЛЬЯ ГЕЛЛЕРТ: ДОЛГ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Идея проекта: ОФ «Казахстанское объединение немцев «Возрождение»
Руководитель проекта: Дмитрий Редлер
Выпускающий редактор: Игорь Нидерер
Вёрстка: Сергей Кудинов
Корректор: Евгения Тихенко

Подписано в печать 20.09.2025.
Формат 60*84¹/₁₆ Гарнитура Cormorant Garamond.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ТОО «Костанайский дом печати»
г. Костанай, ул. Майлина, д. 2/3. +7 (7142) 536689 kdp@kdp.kz

ISBN 978-601-12-4004-8

9 | 786011 | 240048